

МАРГАРИТА АРДО

#ВОЙНА
#МИР#СЕКС

Маргарита Ардо

#Война#Мир#Секс

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50922351
#Война#Мир#Секс:*

Аннотация

Иван Красницкий – циник, эксцентрик и миллиардер, а с недавних пор еще и политик. Поэтому развернутая против него медиа-кампания становится большой проблемой. Его противник – Рита Мостер – блогер, борец за правду и автор петиции против уничтожения леса обвиняет строительную корпорацию Ивана. Рита начинает блогерское расследование. Скандала в средствах массовой информации не избежать! Так же как и внезапно вспыхнувших друг к другу чувств, порой самых противоречивых.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	68
Глава 9	75
Глава 10	84
Глава 11	92
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	117
Глава 15	121
Глава 16	131
Глава 17	135
Глава 18	142
Глава 19	147
Глава 20	156
Глава 21	164
Глава 22	171
Глава 23	184

Глава 24

191

Конец ознакомительного фрагмента.

194

Маргарита Ардо

#Война#Мир#Секс

Глава 1

Волнение зашкаливало, ладони увлажнились. Рампы слепили глаза. На меня смотрели десятки телекамер и до отказа забитый зрителями зал телестудии. Сколько их? Человек сто? Двести? Казалось, что тысячи... Холодок пробежал по моей спине, но я взяла себя в руки. Поздно говорить: «Я боюсь, уйдите все».

– Я пацифист и за мир готова бороться, – сказала я громко в ответ на вопрос, прозвучавший из динамиков. – И за угнетённых. Увы, автоматов таким, как я, не дают, поэтому использую то, что есть. Мой блог.

Я перевела дух, отбросила назад волосы и с вызовом посмотрела на заламинированную в гламуре ведущую. В глаза ударил свет из квадратного прожектора. А в голове прозвучало дальше цитатой из моего собственного блога, словно заученное стихотворение: *«Я люблю не таких людей. Не таких, как все. Особенных. Они классные и в чем-то изначально герои. Впрочем, сама я ничем особенным от других не отличаюсь. Мне скоро тридцать. Рост чуть выше среднего, внешность обычная. Миллионов не заработала. Звездой не*

стала. Пока никого не посадила, сына не родила, мужа не построила. Потому что его пока нет. Я такая, как есть: не идеальная, зато настоящая, и не вижу смысла меняться». Конечно, вслух я этого не сказала. Кто хочет, прочитает в моём аккаунте...

Ведущая улыбнулась, напомнив искусственными губами, носом и скулами симбионта из фантастического сериала. Она была до зубной боли красивой, с золотыми локонами до бёдер, в синем, почти вечернем платье.

Прожектор снова ослепил меня, как в голливудском кино на допросе у дознавателя. Я отвернулась, предъявив операторам свой профиль. Ведущая со звучным именем Катерина Белинская продолжала улыбаться.

– Ни для кого не секрет, что сегодня социальные сети набирают всё больший вес, – заметила она, глядя в объектив камеры напротив. – Рита, как вам пришло в голову написать петицию о защите Самшитовой рощи?

– Мне хотелось что-то сделать, я не люблю сидеть, сложа руки, и я не могла наблюдать за тем, как погибает редкий вид. Сегодня вопросами экологии никто не занимается, включая министерство, за него отвечающее. – Я выпрямилась в алом кресле, которое только на экране казалось удобным, а на деле приходилось бороться с глянцевым дерматином, чтобы не сползти вглубь у всех на виду.

Какого чёрта я вообще волнуюсь? Всё это просто театр, постановка, комедия, но... в животе снова стало холодно.

– Именно поэтому вы, Рита, создали петицию с требованием призвать к ответственности самого министра? – спросила меня гламурная дива и тут же, не дожидаясь ответа, повернулась к подъехавшей камере и объявила: – Напомню, наш гость, блогер Рита Мостер, – автор петиции, которую за две недели подписали двести пятьдесят тысяч человек! Это потрясающий результат!

Зрители аудитории дружно зааплодировали и удивились хором так, словно ими кто-то дирижировал за кадром. Ведущая вспомнила обо мне:

– Рита, почему вы занялись именно растениями? Есть ведь множество проблем, которыми вы бы могли озвучить...

– Да, проблем много. Мы живём, увы, не в идеальном мире. Но если люди могут хотя бы что-то сказать, у растений этой возможности нет, – ответила я. – И некоторые этим пользуются. Вырубают реинфорест в долине Амазонки, воюют лес, уничтожают прекрасные уголки природы только ради собственной жадности!

– О да, Рита, я помню: в своей петиции вы также обвинили одного из богатейших бизнесменов России, девелопера Ивана Красницкого, в том, что из-за развития его компанией черноморской территории редкий вид самшита начал исчезать. У вас были для этого основания? Доказательства?

– Конечно, были! Я и мои друзья, мы собрали материал... Правое крыло аудитории почему-то хором замычало, выражая недовольство.

– А кто его проверял? – подскочил «эксперт», похожий на дворняжку в костюмчике для чихуахуа. – Уверен, всё фальсифицировано!

Я растерялась.

– Надо таких гнать в шею, а не приглашать на телевидение! – заорал кто-то из зрительного зала.

– Позор! – подхватил другой.

Я сжала в руках микрофон, чтобы было не видно, как от волнения и негодования они затряслись.

– Все факты подтверждены учёными-экологами из Национального заповедника... – начала я.

Ведущая снова не дослушала меня и радостно объявила операторам:

– Для объективности любую ситуацию стоит рассматривать с двух сторон. Поэтому мы пригласили в студию человека с кардинально противоположным видением проблемы! Встречайте: владелец строительной корпорации «Герос Групп», меценат, один из самых молодых бизнесменов, занимающих N-ю строку в списке Форбс, Иван Красницкий!

Меня бросило в жар. При обсуждении сценария передачи о нём не говорили! Вот мерзавцы, эти телевизионщики! Им подавай шоу и отвисшую челюсть. От меня не дождутся! Я боец! Мне плевать на этого зажавшегося, смазливового плейбоя! Я ему и в глаза скажу всё, что написала в петиции! Да, мне абсолютно всё равно...

Я расправила плечи, чувствуя, как кровь закипает в венах

и сворачивается в животе увесистым ступком и страстным желанием долбануть тяжёлым того, кто только что появился на фальшивой триумфальной лестнице, ведущей в студию.

Студия заполнилась овациями. Нашли героя...

Никогда с ним не встречалась, но заочно его ненавижу! Есть за что!

* * *

Я не удержалась, повернула голову, чтобы увидеть мерзавца в лицо. Надела при этом на себя маску холодного равнодушия. Много чести Красницкому – знать, как он меня бесит. «Хищник от бизнеса» даже не взглянул в мою сторону. Он проследовал на уготованный продюсерами дерматиновый трон так, словно перед ним отряд рабов разворачивал ковровую дорожку и рассыпал пятитысячные купюры за неимением розовых лепестков. Сел, вальяжно закинув ногу за ногу, и занял весь диванчик, попутно прихватывая собой половину студии. И я поняла: «плейбой» – это не о нём. Сидящий в полутора метрах от меня мужчина лет тридцати пяти был ни разу не «бой¹», а скала с упёртым лбом, в сером костюме, лакированных туфлях и при галстукке. Совсем не такой, как в журнале.

Меня подкидывало от циничной полуулыбки на его лице.

¹ мальчик по англ.

Красивом? Мои девчонки наверняка бы ахнули от восторга. Я таких не люблю. Штампованный брутал и владелец мира, осовремененный подтянутый викинг, хотя в душе такой же ворюга и разбойник с копьём. Я вообще от блондинов всегда ожидаю подвоха, а этот ещё и улыбается, машет публике...

Как посмел, когда целая древняя роща по его вине вымерла?! Гад!

Я стиснула зубы, перекатывая негодование по нёбу языком. Стало жарко так, что захотелось оттянуть ворот водолазки и попросить врубить кондиционер, несмотря на то, что на улице было минус десять. Мне не терпелось высказать всё хлётко, чётко, в лоб, но ведущая обо мне будто забыла.

– Иван Аркадьевич, – цвела Катерина Белинская, подсознательно поправляя грудь, – расскажите, пожалуйста, о вашем вкладе в развитие черноморского побережья.

Красницкий чуть подался вперёд.

– С удовольствием. Большой Сочи для меня не просто географическое название, это территория моего детства. Там я проводил с семьёй лето, и поэтому когда встал вопрос, какой регион развивать, я прежде всего подумал о нашем море! Я – россиянин, и этим всё сказано. На сегодняшний день существует масса недостроенных участков, домов, а также полуразрушенных санаториев, пионерлагерей. Зброшенные, они выглядят уродливым пятном на фоне морских пейзажей. Я не инвестирую, как многие, в турецкие, испанские проекты, не покупаю зарубежные спортивные команды и принципи-

ально ничего не строю за границей. Я считаю, что должен вкладывать деньги там, где живу.

– Чтобы потом грести их лопатой... – буркнула я себе под нос.

Красницкий впервые взглянул на меня, и наши глаза встретились. Я даже не разглядела, какого они у него цвета, но вдруг мурашки пробежали по коже, и что-то сжалось в животе, в бёдрах, в коленях, словно перед прыжком. Странное чувство длилось всего секунду, а затем я взяла себя в руки.

– Я деньги и душу инвестирую в Россию, – парировал Красницкий, глядя на меня, как дуло автомата. – А некоторые завистники и просто недобросовестные информационные хулиганы... хулиганки... – журналистами у меня эту братию язык не повернётся назвать, – пытаются сделать себе имя на чужом труде.

Я вспыхнула и задохнулась от возмущения.

– Гнать таких надо! Гнать! Гнать! – подскочил, как науськанная собачка, толстяк из экспертов, радостный, что нашёл, куда вставить слово.

У него перехватил микрофон очкастый чинуша.

– Сажать надо за клевету! Интернету давно нужна цензура!

– Возможно, – кивнул Красницкий тем, как император петрушкам. – Свобода слова – вещь прекрасная, но только до тех пор, пока она не начинает вставлять палки в колёса

реально важным процессам. Я хочу лоббировать законопроект о цензуре в Интернете, и поэтому, – я хотел сказать об этом лично, – я планирую выставить свою кандидатуру на следующих выборах. Интернет – это не помойка для убогих и недовольных жизнью!

Я дала знак ведущей, что прошу слова. Белинская демонстративно отвернулась.

Они решили устроить мне показательную порку?!

Волна негодования подтолкнула меня с дерматинового шеста, и я направилась к ведущей сама. Протянула руку:

– Дайте мне микрофон.

– Сядьте, Рита, вам дадут слово.

– Нет, я ждать не намерена. Мне есть, что ответить, – громко произнесла я, и мой голос заглушили сдиржированные вопли публики.

Я заметила простуженную брюнетку, по знаку которой дрессированные зрители выдавали урезанную палитру эмоций: от “уууу” до «вау». И мне стало пофиг! Ключок самшитовых угодий ещё жив. Я должна говорить об этом людям и спасти то, что пока можно спасти!

Я отобрала у опешившей ведущей кичевый микрофон и проговорила:

– Даже если это вырежут, я всё равно скажу. Вы, господин Красницкий, вкладываете деньги только туда, откуда можно выгрести в десятки раз больше. Мне без разницы, гребите! Я – не налоговая полиция и не ОБЭП. Главное другое – вы

стали причиной гибели целого вида на Чёрном море – самшита колхидского, редкого, уникального растения! Деревья в роще возле территории, которую вы «облагородили», относятся к реликтовым, они пережили динозавров! Но вас, господин Красницкий, им пережить не удалось! По-видимому, динозавры по сравнению с вами – котята.

Я надвигалась на бизнесмена, чувствуя себя валькирией, супергероем с файерболом в кармане. И вдруг снова наткнулась на его взгляд. Слова в горле застряли комом, будто электричество внутри меня закоротило, и осталась секунда до возгорания. Потому что он – СМЕЯЛСЯ! Надо мной...

* * *

Красницкий развалился на диване, всем видом выказывая мне полное неуважение, а затем сказал:

– Сложно серьёзно воспринимать женщину, которая живёт такими крайностями: котята – динозавры.

– Я не женщина...

– Дело принимает интересный оборот!

– Я блогер. Я – общественный деятель. И я, а не вы, волнуюсь за нашу планету, потому что такие, как вы... – у меня перехватило дух от избытка эмоций или от того, что я снова встретила с ним глазами.

– Я, по-вашему, питаюсь реликтовыми деревьями? О нет, у меня более взвешенный рацион.

Мерзавец! Он продолжал веселиться!

Публика гудела, эксперты вырывали друг у друга микрофоны, но я их не слышала. Камера наезжала на меня то с одной стороны, то с другой. В висках стучало.

– Проблема нынешних блогеров в том, что они воспринимают себя всерьёз, – продолжил Красницкий, поймав меня взглядом, как на крючок, – а стоило бы для начала поучиться журналистике и работе с фактами.

– У меня есть факты, – выдавила я, с трудом преодолевая гипноз его глаз.

– Мои юристы развеют каждый без труда, – ответил он. – И привлекут вас к ответу за клевету.

Что?!

Глава 2

А начиналось всё так хорошо! Прошлым утром мне дозвонилась приятная девушка Алиса. Представилась продюсером федерального телеканала, высказала восхищение шумом, который устроила моя петиция, и стала уговаривать принять участие в ток-шоу. Посулила денег. Я сказала, что подумаю. Она удвоила сумму.

«Не ходи» – сказал мой лучший друг Ясик.

«Это будет клёво! – завизжали подружки. – Наша Ритка на телевидении! Ура!»

Мы даже выпили шампанского по этому поводу. И, несмотря на сомнения, я согласилась. Я же делаю видео-трансляции в соцсетях, по сути – то же самое.

Прежде всего, меня радовало, что я смогу рассказать ещё большему количеству людей о произволе, который творится в Сочи, – на глазах у всех погибал целый лес. Говорят, некоторые проблемы можно решить с помощью телевидения. По крайней мере, раньше так было.

Не то, чтобы я была фанатичной «зелёной», я ей вообще никогда не была. Я тот человек, которому не всё равно, а к лесам я особенно отношусь! Именно лес и чистый воздух позволили выжить моей маме – в Москве она умирала... А врачам остаётся лишь удивляться, почему она до сих пор жива!

Поэтому когда мои друзья-экологи обратились ко мне с просьбой осветить проблему с Самшитовой рощей через мой раскрученный блог, я, конечно же, согласилась. И увлеклась. Есть в борьбе с несправедливостью какая-то страсть. И смелость, и благородство! Я даже почувствовала, что делаю что-то гораздо более значимое, а не просто веду блог, размещаю красивые фотки и пишу посты о позитиве и здоровом образе жизни для девушек и женщин.

* * *

Мне случилось в первый раз попасть на телевидение, поэтому было крайне любопытно. Я телевизор не смотрю, но при подъезде в такси к строению номер три по указанному адресу, в груди немного сжалось. Предчувствие, ожидания, затаённое преклонение перед самыми-самыми – теми, кто вещает на всю страну?

Да ладно! Они же для меня не авторитет! Думаю, просто активировалась какая-то кнопка в недрах подсознания. Несмотря на весь пофигизм, волнение пронеслось вихрями по спине, а во рту пересохло. Совсем немножко я гордилась собой: передача на федеральном канале – это не шутки, ведь не всех приглашают...

Кстати, ничего не предвещало, так сошлись звёзды.

На входе в телецентр меня встретила девушка-продюсер в лисьем жилете почти до полу, с наушниками, опущенными

на шею, и блокнотом в руках. Мехаами, кудрями, розовощёкостью она была похожа на одну из дочерей князя Меншикова с картины, которая когда-то висела над кроватью моей бабушки, и язык не поворачивался назвать её Алисой. Ей бы пошло что-нибудь исконно русское, типа Матрёны.

Продюсер Алиса повела меня по неожиданно убогим розоватым коридорам, мимо ряда деревянных дверей, остановилась у одной, отчего-то исцарапанной, и распахнула её.

– Вас пригласят, Рита, ждите здесь. Кофе, чай, печеньки, угощайтесь. Эти кресла поломанные, можно перевернуться. Садитесь на те, что возле стены.

– Хорошо...

Я слегка опешила, разглядывая покосившийся стол для гримирования с зеркалом и выкрученными лампочками по бокам. В моём воображении телестудия федерального канала представлялась чем-то более грандиозным и роскошным, а тут на ум приходил только провинциальный театр, и то после землетрясения.

Мне принесли договор о неразглашении и второй – об оплате за съёмку, и забыли, что я существую. Устав ждать, я вышла в коридор – там толпились «зрители», в основном дамы хорошо за пятьдесят. Они прихорашивались, глядя в пудреницы, и живо обсуждали, «как попасть на первые ряды, чтобы засветиться». Подивившись услышанным тарифам, я почувствовала себя партизаном и пошла дальше.

Так, крутя в пальцах полученный бейджик, я набрела

на гримёрки «звёзд». Возле одной стояли невероятно крутые ребята в чёрном, стопроцентные телохранители. В дверь другой я увидела ведущую, над которой трудилась, как художник над портретом, гримёрша, и я задумалась, почему Белинская на экране кажется толще.

Но вдруг между крашенными стенами коридора, в закулистье над странными конструкциями, напоминающими стадионные, пронеслось волшебное слово «Эфир». Со всех сторон подхватили: «Эфир! Эфир! Эфир...». И всё закрутилось.

Я видела выступление других гостей, стоя в темноте рядом с рыжеватым долговязым редактором, который, будто синхронный переводчик в ООН, успевал не только следить за картинкой, но и вносить мгновенные изменения. Профессионалы меня тоже восхищают, и работа рыжего завораживала. Симпатичного, кстати. Virtuоз оглянулся и подмигнул мне:

– Не волнуйся.

– Я не волнуюсь, – ответила я, слегка покривив душой. И спросила просто от нечего делать: – Говорили, что в качестве эксперта будет Котёночков, а я его не вижу...

– Сейчас увидишь, – ухмыльнулся рыжий, сделал пару щелчков мышью.

И я обнаружила на экране среди «экспертов», сидящих прослойкой между зрительным залом и сценой, острозубого журналиста Котёночкова. Он вытянул по-гусиному шею и самым внимательным образом слушал выступающих.

– Как это возможно? – поразила я и, привыкнув не полагаться на случай, выглянула из-за громоздких чёрных кубов на съёмочную площадку.

Грозы всех участников ток-шоу Котёночкова там не было. Я вернулась к рыжему.

– Но позвольте... как?!

– Магия монтажа, – рассмеялся тот, затем посмотрел на меня с прищуром и сказал: – Э-э, слушай: у меня глаз намётанный. Добрый совет бесплатно: поворачивайся к камере левой скулой. У тебя есть небольшая асимметрия, и так ты будешь здорово смотреться.

Я возмутилась с усмешкой:

– Хочешь сказать, что у меня лицо кривое?

– Лицо у тебя зачётное. А вот эта асимметричность губ вообще очень сексуальна. Ты что в субботу делаешь? Я бы пригласил тебя куда-нибудь прямо сегодня, но с этой работой я раньше часа ночи не освобождаюсь. Кстати, я Яков, Яша. Друзья зовут меня Яндексом, тебе тоже можно.

– А с Гуглом не срослось? – спросила я.

– Ты мне точно нравишься, – сказал рыжий.

Из-за металлических колонн выскочила Алиса в мехах, подхватила меня под руку и с криком: «Ваш выход» потянула на сцену. И я, глупая, решила, что сейчас пушу справедливость в массы! Разве можно было так ошибаться?!

Растерянная ведущая хлопала ресницами, а я впиалась похолодевшими пальцами в микрофон и отдавать ей его не собиралась. Продюсеры из-за кулис кивали, что всё идёт по плану! Тоже сволочи!

Каким-то чудом я вспомнила, что стоит смотреть в камеру, да ещё и левым боком. Сказала себе: я здесь для того, чтобы что-то изменить, а не вестись на провокации, как девочка. Досада полыхнула и залила гнев холодом сожаления, но я оторвалась от прицельных глаз Красницкого. Затем повернулась к камере и сказала:

– У ваших юристов будет много работы. Потому что я сдаваться не намерена! Вы за всё ответите!

– Моим юристам, к счастью, есть чем заняться помимо того, чтобы разносить в пух и прах ваш бессовестный хайп на моём имени, – заявил Красницкий.

– А сейчас мы уходим на рекламу, – заявила ведущая, откуда-то обзаведшаяся ещё одним микрофоном, точной копией моего. – Не переключайтесь. У нас интересно!

Старший продюсер за кулисами поднял вверх два больших пальца, показывая, что всё путём. Белинская кивнула ему, Красницкий довольно ослабил.

И я поняла, что они решили топить меня дальше. А унижений я не терплю.

Что-то внутри меня распрямилось, подобно пружине, и зазвенело, затрясло от одной мысли – они пригласили меня сюда, чтобы опозорить! Перед всеми, перед этими зрителями, перед страной!

Мда, начиналось всё хорошо, а закончилось, как закончилось. Только это ещё не конец, они узнают, с кем связались!

Глава 3

Иван

В связи с предстоящим выдвижением на выборы мой медиа-консультант Тим Бобров сказал, что идти на ток-шоу стоит и даже посмеялся, что мы должны приплатить этой дерзкой блогерше за шумиху и хайп. Моё имя не слишком на слуху у тех, кто не крутится в строительном бизнесе, несмотря на ряд громких проектов.

Уговаривать меня не пришлось. Я и сам понимал, что в нынешние медиа-сферы не попасть без большого скандала. И было совершенно плевать на то, что кто-то пишет обо мне. Моськи лают, караван идёт. Если моськи ещё и грязью бросаются, вообще превосходно – то, что доктор прописал, «масло», как любит говаривать мой друг детства Дамир Сидоров, бас-гитарист, рок-н-рольщик и хулиган. Я тоже прихватил от него это словечко из музыкантского слэнга, хотя многие не понимают. Это их проблемы, пусть подстраиваются.

– Если вы, Иван Аркадьевич, задвинете эту блогершу так, как вы умеете, перед всей публикой, а потом покажете себя с лучшей стороны, – Бобров растянул губы в деланной улыбке, – тоже, как вы умеете, о ней забудут все СМИ через день, через неделю максимум, а вы продолжите свой триумфальный поход навстречу выборам.

– Не торопиться с триумфом? – усмехнулся я, хотя слово

«поход» мне понравилось – ассоциация с крестовым. Собственно, что мне и нужно было на сегодняшний день.

– Я в нём не сомневаюсь, Иван Аркадьевич! Мы приложим максимум усилий, сделаем всё на разрыв аорты!

– Тогда я и услуги твои оплачу только по результату: когда моя партия лет через пять займёт большинство в Госдуме.

Треугольное лицо Боброва вытянулось, превратившись из равностороннего треугольника в остроугольный. А я больше ничего не добавил: пусть помучается. За каждое слово надо платить, даже если это шутка.

* * *

Мне пришлось задержаться в Хельсинки, и съёмки перенесли с семнадцати на 22:00 по просьбе секретаря. Приехали мы в одиннадцать прямо из аэропорта – московские пробки достигают апогея, стоит припорошить столицу снежком. Кажется, я всё-таки добьюсь разрешения летать над городом на вертолёте, потому что такое положение дел меня совершенно не устраивает.

Федеральный канал изнутри напоминал студенческий Дом культуры. Так же много дверей, так же обшарпано и кучно. Толпы «хомячков» без дела. Полное отсутствие структуры и множество богемных лиц. Даже вахтёрша за окошечком была как из тех лет, когда мы с Дамиром лабали на гитарах в группе «Грязный Джо» и с гордостью носили косухи. Это

меня умилило. Всегда трогают воспоминания о времени, когда всё было просто.

В гримёрке Бобров вместе с персональным продюсером разложили мне всё по полочкам, как идиоту: слова, нюансы, куда смотреть, как реагировать. Они беспрестанно улыбались, словно у них уголки рта были к ушам привязаны. Раздражает! Потому я и сказал:

– Пока не принесут кофе с ромом и хороший сочный стейк, ничего не начинаем.

Не потому что мне до жути хотелось есть, а чтобы скалиться перестали, аж желудок от патоки свело. Увы, Боброву не помогло: продолжил сиять.

– И мороженого мне, с шоколадной крошкой, – добавил я. – Срочно!

Тот упорхнул.

Если б он не был профи в медиа-сфере, уже турнул бы его. Но надо отдать должное – разбирается.

Пока они бегали, избавив меня от скрипящей на зубах приторности, я углубился в биржевые сводки, развалившись на кожаном диване в VIP – гримёрной. Она отличалась от прочей ободранности, словно была продуктом монтажа, а не евроремонта. С деликатным стуком в помещение зашла Катерина. Белинская, кажется. Мы с ней не так давно встречались на зимних играх в поло – очередной модной фишке столичной аристократии.

– Можно, Иван Аркадьевич?

– Да, прошу, – я отложил планшет и улыбнулся исключительно из вежливости.

Она была похожа на мою бывшую любовницу: видимо, у них абонемент у одного пластического хирурга, а у того плохо с воображением. Зато с грудью у неё было всё хорошо – очень призывно вздымалась мне навстречу.

– Насколько я знаю, вы не слишком частый гость на телевидении, а я могу дать несколько советов. Или можем прогнать по сценарию ваш текст, знаете ли, камеры, свет, публика...

– Вы очень любезны, Катерина. Но я не испытываю смущения ни перед камерами, ни перед людьми, ни вообще перед кем-либо.

В дверях показался продюсер с эстонским именем, которое я так и не запомнил. В руках поднос с двумя стаканчиками.

– Лучше мы с вами, Катерина, выпьем кофе и поговорим о погоде, – добавил я.

Она растаяла и приземлила свои шикарные... хм... девяносто два... на диван рядом со мной. Беседа ни о чём, поставленный голос, красивые руки. Пенка от кофе на губах и призывное движение язычком. Лёгкий запах алкоголя. Приятный междусобойчик почти в полночь. Но Катерина скоро ушла, расцветая многообещающим флёротом, как реклама духов, подсознательно намекающая на секс.

Под музыку, овации, будто записанные за кадром, как в британских комедиях положений, я вышел на сцену и снова увидел Катерину. Но теперь было не время для намёков и флирта. Катерина держала себя профессионально и отлично вела шоу в хаосе слепящего света и апломба.

Она задала вопрос о моём вкладе в развитие побережья, я ответил. Операторы работали, ловя в камеру то Катерину, то меня, не обращая внимание на статистов вокруг. И вдруг откуда-то извне вклинился в мою речь голос:

– Некоторым всё неважно, лишь бы грести деньги лопатой! – Звонкий голос, яркий, как у школьницы, выступающей перед ветеранами... войск СС.

Да, именно так враждебно на меня смотрела девушка с длинными тёмными волосами с кресла слева. Её синие глаза горели. Я обычно не обращаю внимания на цвет, но тут сразу увидел – они синие. И узнал ту блогершу, из-за которой образовался инфоповод – Бобров приносил мне на неё целое «дело», я полистал немного и согласился с ним: не опасна.

Девчонка мотнула головой, её блестящие чёрные волосы взлетели плащом и упали на плечи. Я ответил. Она смутилась. И что-то во мне щёлкнуло. Не как нога у Берлиоза под

трамваем «хрусть и пополам»², а тихо, фоном, но я отметил. Так вычленяешь взглядом красный зонт в гуще чёрных. Занято.

Я поставил девчонку на место. Но вместо того, чтобы продолжать смущаться, блогерша зажглась, выхватила у ведущей микрофон и пошла на меня, как «Свобода на баррикадах». Вот только грудь не высунулась, как на картине Делакруа. Впрочем, таким всё равно, чем поднимать хайп – мнимой борьбой за экологию или задранной майкой с криком: «Сиськи!» Жаль, я б посмотрел...

Катерина объявила брейк. Но на рекламу мы не ушли, – её вставят в запись, – а блогерша не успокоилась, в её глазах плескалась живая ярость.

– Из-за таких, как вы, погибает планета! Каждый раздербанивает её по кусочку. Думает только о себе! А потом возникают острова из мусора в океане, дельфины гибнут, наглотившись пластика.

– По вашему, им тоже я его скормил? – усмехнулся я.

– Нет! Но вы не лучше! – выкрикнула блогерша так, словно сейчас запрыгнет на меня и начнёт бить по голове микрофоном, как Зена-королева воинов.

Постановка, поза, страсть и голос, всё вкупе сыграло так, что у меня сократились и погорячели мышцы живота. И я тут же понял, что она не просто сумасшедшая, идейная «зелёная», увы... Просто великолепно играет, выбрав роль пас-

² Герой упоминает сцену из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова

сионария, чтобы в лёгкую сбавить себе узнаваемость и доказать всему ВГИКу, куда по конкурсу не прошла, что её талант не протухнет и без их корочки.

Я поморщился.

Все они одинаковы. Тянут одеяло на себя, не понимая, что оно уже на мне. Как Катерина, как вон та «всенародная артистка», как художник-«эксперт», которого и знают только по этому ток-шоу. Тоже стойку делает и повизгивает, лишь бы засветиться.

Катерина посмотрела на меня, извиняясь, но отобрать микрофон у девицы не позволили продюсеры:

– Это же прекрасно! Скандал! Продолжаем! Продолжаем!

Я расхохотался. Да, весело. И скучно. Как всегда и везде, одно не натуральное «масло», маргарин.

Что теперь будет выделывать синеглазая девица – кинется или устоит?

Мои ребята за сценой напряглись. Но блогерша вспыхнула, хлопнула ресницами и сама отдала микрофон Катерине:

– Достаточно! Я не буду участвовать в вашем цирке! До свидания!

– Постойте! – ахнула та.

Блогерше было плевать, она направилась прочь, уверенно цокая каблуками ковбойских сапог, не обращая внимания на гул в зале и на пытающуюся поймать её редакционную группу. Отбрила продюсершу в мехах и вырвала руку. Гаркнула агрессивно ещё на кого-то и скрылась за кулисами.

Запахло революцией. Отчего-то у меня участился пульс.
Хм...

Ответственный редактор крикнул:

– Работаем!

И съёмка продолжилась, несмотря на гвалт в кулуарах студии, вызвавший у меня вдруг самое живое любопытство, как драка за окном уважаемого кафе. Катерина сказала мне с мягкостью племянницы Чеширского кота:

– Иван Аркадьевич, я знаю, что вы цените свой имидж и даже отказались приезжать в Чехию после того, как в Карловых Варах против вас выдвинули обвинения в скандальной связи, которые были полностью развенчаны. Вам дорога репутация. Что вы ответите на выдвинутые обвинения?

– Я считаю, что ни в Карловых Варах, как было доказано, ни тем более в этом выступлении неуравновешенной девицы не было никакого содержания, – спокойно ответил я, словно меня произошедшее вообще не касалось. – Тем более не стоит раздувать мифы и создавать народный эпос на основе зеро. Да, действительно моей репутации был нанесён некоторый ущерб, и, как следствие, я жду публичных извинений. За любое слово нужно платить.

– Вы ждёте извинений от Риты Мостер?

– От Риты Мостер и от правительства Чехии.

– Вы думаете, они поступят?

– Отель в Карловых Варах уже обнародовал свои сожаления, осталось дело за малым, – усмехнулся я и тут же по-

смотрел с самым серьёзным видом в камеру. – Я живу в России, я представляю Россию, и мне важно, что слышат обо мне люди моей страны. Поэтому я тем или иным способом получу извинения и от... как вы сказали её зовут?

Ведущая напомнила имя, которое я и так хорошо запомнил. За кулисами что-то грохнуло.

О, она дала кому-то в глаз или превратилась в Халка?

– Спасибо, – договорил я. – Я получу извинения от Риты Мостер и от правительства восточноевропейской страны. Я считаю, любым историям нужны точки.

– Совершенно с вами согласна, – ответила Катерина.

Далее пошли скучные бла-бла-бла, и от сценария больше уже никто не отходил. За кулисами тоже стихло. Там живые остались?

Точно рассчитанное время, и я был свободен. Зашёл в гримёрку за планшетом в сопровождении моих ребят. Закрыл дверь. Выдохнул. В запястье чувствовался пульс. С чего бы?

Мороженое растаяло в ожидании меня. Я поднял планшет, папку с дивана, и оттуда вдруг вывалилось аккуратно распечатанное «личное дело» блогерши, этой самой Риты Мостер. Я поднял листок с её фотографиями из блогов и понял, что они и на четверть не отражают реальности. Горящие синие глаза. Страсть с угрозой взрыва. Как красное на чёрном и знак «Не влезай, убьёт». Даже сыгранное, оно было интересно...

– Всё прошло хорошо, – со стуком, но не дожидаясь ответа, вплыла в гримёрку Катерина. – Надеюсь, вы не разочарованы, Иван Аркадьевич?

Я отложил «дело о революционерке» на журнальный столик. Повернулся с дежурной улыбкой. Я был отчего-то уже возбуждён, словно день только начинался. В окно смотрела снежная московская ночь. Катерина оказалась на расстоянии доступной близости. Она пахла, смотрела, искушала, почти касаясь меня грудью.

– Не разочарован, – ответил я и положил ей руки на талию.

Катерина подалась ко мне, подняла лицо, подставляя губы.

Меня дома никто не ждал. Я даже рыбок не держу – некогда. Там я высыпаюсь. Но тело требовало своего. И я смял мягкие губы Катерины, ожидая приятный десерт на ночь. Телегостья улыбалась, шептала, стелилась, не стесняясь в ласках. Платье вверх. Упругость в ладонях. Быстрые рывки. Мысли прочь, ритм и разрядка.

Я застегнул брюки и снова почувствовал привкус патоки внутри, как обманутый в медовом ряду покупатель. Ни майского, ни липового, ни даже гречишного, и с мороженым вышел облом, кругом одна только патока.

– Мне пора. До следующего эфира, – сказал я, улыбнувшись с натугой.

Томный взгляд, просчитанный до мелочей жест. Снова

«реклама духов», но мне уже не интересно. Как быстро они все становятся скучными! И липкими.

Я подхватил планшет, скользнул глазами по гримёрке, чтобы ничего не забыть. И на секунду замер. С журнального столика на меня смотрели яркие синие глаза. То, что щёлкнуло и потухло, снова щёлкнуло. Интересно, как долго ждать извинений?

– Буду рада, если ты позвонишь раньше... Или вы, Иван Аркадьевич? – кокетливо провела пальцем по своему декольте Катерина.

«Тебе не позвоню», – подумал я. Что-то буркнул и ушёл.

Глава 4

Рита

Я не терплю попыток меня унизить. Поэтому я ушла со съёмки, разметав направо и налево телевизионную братию. Жаль, не как Джеки Чан, а только взглядом и голосом. Яндекс, мимо которого проходила, сказала:

– Только попробуй меня «нарезать», найду и сама нарежу, как сервелат.

– Воу-воу, полегче! – воскликнул Яндекс. – Ты чего, красавица, бунтуешь?

– На вашу фальшивую контору нужен только бунт. Или подрывники.

Яндекс посторонился, видимо понял по взгляду, что хорошее ему не светит. Однако стоящий рядом мужик в стильной кепке набекрень, с выпирающим пивным «самосознанием», обтянутым полосатым свитером, и печатью богемы на лице встал у меня на пути:

– Девушка, вы срываете программу! Где ваша совесть?! Редактор, наверное...

– Там же, где и ваша. Вы подсовываете мне лживые сценарии! Так что да, срываю! – рявкнула я и попёрла на него так, что тот попятился, споткнулся о какую-то конструкцию, увешанную Бузовой и Киркоровым.

Металлические столбы загремели и начали рушиться.

Мужик полетел назад и со звуком плохо надутого мячика хлопнулся пятой точкой об пол. Картонная «Бузова» накрыла его с головой, продолжая светиться улыбкой.

– «И мы счастливы!» – буркнула я, припомнив пресловутый «Дом-2».

О нём здесь только и вспоминалось. Распнут кого-нибудь на лобном месте, погонят вон и потом «счастливы». Наверное, это и есть основа любого телешоу. Впрочем, как и любого постсоветского двора, где собираются на скамейках скучающие бабки.

Я надела на ходу пальто, намотала шарф, отодвинула плечом одного из «людей в чёрном», не уступающего по размеру шкафу в гримёрке. Благо, он сомневался, задерживать меня или нет, иначе отодвинуть бы не получилось. Но я бы сделала подкоп...

Я сказала «Бу!» пучеглазой вахтёрше, когда та что-то начала про «До окончания съёмок не положено...» Та отскочила. Я дёрнула за ручку дверь и, вырвавшись на мороз, заскрипела снегом под ногами в чёрном квадратном дворе, окаймлённом старыми зданиями. Наверняка здесь была раньше какая-то фабрика. Так и представляется тут советская текстильная промышленность и тонны халатов в цветочек.

Я миновала шлагбаум, арку и пошла под фонарями проспекта, ещё кипя и мысленно огрызаясь. Но, благо, холод скоро вернул меня к реальности. Я остановилась на конце квартала и вспомнила, что уже почти два часа ночи, а на ули-

це минус десять. И вызвала такси.

То приехало через минуту, словно дежурило возле студии. Я рухнула на заднее сиденье, назвала адрес и замёрзшими пальцами оживила смартфон.

У меня откровенная зависимость, вредная привычка и принцип: «Если не знаешь, что делать, пиши пост». Аккаунт в соцсети поприветствовал кучей новых фоточек. Я на автомате поставила десяток сердечек, толком не видя, кому и за что. Сделала селфи и начала писать:

«Сейчас еду домой с телешоу. Договор о конфиденциальности не позволяет написать всё, что там происходило, поэтому просто напишу, о чём думаю. #мыслионлайн.

Вы задумывались, что такое чувство собственного достоинства? Для меня это та грань, которую я никому не позволю перейти. Никому и никогда. Будь то мужчина, каким бы гипнотически сексуальным он ни был, – мне снова представился гадский Красницкий, я сплюнула три раза через плечо и продолжила писать, – родители, друзья или ведущие ток-шоу. Потому что если позволишь кому-нибудь то, от чего ты чувствуешь, будто в душу кинули грязный ботинок, ты обязательно запачкаешься. И да, будешь в этом сама виновата. Не позволяй!

Всегда помни, что ты личность и никому не обязана отчитываться, почему ты не такая, как от тебя ожидают. Ты никому не обещала быть «такой». Хрустальной вазой звезды не забивают, а боксёрскую грушу не надевают на

бал. И это не значит, что быть боксёрской грушей или хрустальной вазой плохо. Плохо страдать хрусталу, что он не чузун. Ложь – вот что плохо.

Так вот те, кто пытаются попруть твоё достоинство, этого не понимают, они пытаются нарушить твою целостность и показать тебе, что ты – никто.

Не выйдем! Все из нас – кто-то! Если из тебя хрустальная ваза не ахти, прислушайся, присмотришься к себе, возможно, ты просто офигительная чайная кружка или магическая кастрюля восьмидесятого уровня. И пусть хоть один удод попробует сварить вкусный суп без такой кастрюли!

Главное, разберись в себе и уважай себя!

Добра и смайликов!

#ритамостер #историоо жизни»

Я открыла другой аккаунт и туда тоже запостила. Мгновенно высветилось сообщение от кого-то из подписчиков. Едва мессенджер открылся, я увидела знакомое во первых строках письма:

«Ты, сука, да какое у тебя достоинство, если ты...»

О, мой постоянный хейтер³ активизировался! – отметила я с ухмылкой.

Отчего-то я уверена, что это «Он», несмотря на дебилные аватарки и неопределённые ники. Мой персональный хейтер всегда чувствует, когда я не в духе, и посылает «пись-

³ Преследователь, от английского hate – ненавидеть

ма счастья» со множеством матерных слов и междометий. Кажется, кого-то разрывает куда больше меня.

Я автоматически нажала «Заблокировать» и свернула экран. Завтра наверняка чувак зарегистрируется под новым именем. Или подождёт, когда я снова закиплю. Даже интересно, как он угадывает мой градус?

Впрочем, именно от этого я и успокоилась. За окном мелькали проспекты в снегу, машины, вывески, дома. Некоторые окна светились, несмотря на позднюю ночь. И сами собой разворачивались мысли.

Ты живёшь себе, живёшь, вокруг тебя живут люди, многие сытно и счастливо. И управляют же как-то сами! Молодцы! Так чего лезть с советами, если не просят? Но, думаю, те, кто меня читает, потому и читают, что им надо. Я по себе знаю, что проблемы с достоинством у девушек есть, они всегда будут, пока так высок уровень бескультурия вокруг нас. Я сама с этим сталкивалась.

Признаюсь честно: терпеть не могу тёток с нашего двора. Они меня тоже ненавидят. У нас горячие взаимные чувства. С одной стороны, я для них – бельмо в глазу; с другой, как сегодня модно говорить, я – инфоповод.

Они не читают мои блоги, вряд ли имеют аккаунт в социальных сетях, но благодаря моему существованию, скучно им не бывает. Я нарочно одеваюсь так, чтобы их восклицательным знаком завернуло. И это сложилось исторически.

Существуют два типа людей: если одним повторять одно и то же, одни поверят, как попугайчик, что он «дурак», другие – наоборот, могут распрямиться и, как пружина, дать обидчикам в лоб. Я из последних.

Мама у меня много болела и лежала то в одной больнице, то в другой, папа вечно разъезжал по командировкам, поэтому я лет с тринадцати, считай, живу одна. И это меня закалило, сделало самостоятельной, так что нечего жаловаться.

Но был один случай, с которого началась взаимная ненависть меня и нашего двора. В четырнадцать я влюбилась без оглядки в соседа сверху – девятнадцатилетний говорливый Коля давал мне скачать хорошую музыку, увлекательно рассказывал о «взрослой» студенческой жизни и вообще обо всём. Жизнь у Коли была полна приключений, и я слушала его, раскрыв рот. Для меня Коля был небожителем, суперменом и Капитаном Америка в одном флаконе.

Однажды Коля пригласил меня на день рождения, и в полутьме гостиной, где под громкую музыку топала и прыгала толпа его сокурсников, Коля решил меня поцеловать. Я была влюблена до безумия и поддалась ему с упоением.

Его тёплые влажные губы делали что-то непонятное, но очень приятное. У меня кружилась голова от его запаха, от того, как он прижимал меня к себе. Я растворилась в люб-

ви к нему, как одно огромное, безграничное море счастья. Руки Коли казались самой надёжной опорой, горячей, ласковой. И мир вдруг открылся для меня искренней радостью, волшебством, в котором светомузыка извне переместилась в моё тело – так было хорошо! Но вдруг зажёгся свет. Музыка умолкла. Это мать Коли, тётя Тамара вошла в гостиную и застыла, увидев вольности её сына.

«Все вон», – жёстко сказала она, и ничего не понимающие гости потянулись к выходу. Её всегда все слушались, да и страшно было ослушаться, если на тебя смотрит такое бульдожье лицо с маленькими глазками. Но я в тот момент не почувствовала стыда или ужаса. Наоборот, она показалась мне даже красивой, и я была готова радостно броситься на шею тёте Тамаре, а потом назвать её второй мамой, ведь у нас с Колей любовь! А значит, мы поженимся... Но тётя Тамара завизжала: «И тебя это тоже касается, малолетняя проститутка! Вон отсюда! Чтоб я тебя здесь больше не видела».

Я прорыдала всю ночь, а утром по дороге в школу ко мне прицепилась Лидия Петровна с третьего этажа. Она вкрадчиво увещевала меня: «Мы понимаем. Ты без мамы растёшь. Папа в разъездах. Вообще неизвестно что в твоей семье происходит, все тебя бросили, но нельзя же так – по рукам пошла в четырнадцать-то лет! Опомнись, Рита! А то станешь, как эти, прости Господи, возле ларьков...».

Я шла молча, по щекам катились едкие слёзы.

Вечером дворовые кумушки шумели и фыркали. Не на-

звала меня проституткой только ленивая. Лариса Валерьевна. Потому что она полная и вообще почти ни с кем не разговаривала. Аньке Васильевой и Оксане Самсоновой родители запретили со мной дружить. Девчонки под навесом хихикали: «Ну и что? Ты, говорят, с Колькой переспала? И как оно?». Я им буркнула в сердцах: «Дуры вы!» и спряталась в собственной квартире.

Когда стемнело, в дверь робко постучали. Это был Коля. Он неловко переминался на пороге:

– Привет. Ты... это...

– Коля, Коленька! За что они так? – жалобно спросила я, надеясь, что он – такой сильный, взрослый – защитит меня обязательно. – Я же... ты знаешь, я...

– Это всё мать, – мялся он. – Ты прости. Давай не будем раздувать, а? Типа не было ничего, а то она со свету сживёт.

Он ещё что-то мямлил, пятясь, как рак, назад, а я, широко раскрыв глаза, не могла понять, что происходит. Он же мой герой! Супермен... Капитан Америка... В фильмах про любовь всё не так! Но с каждым шагом назад Коля казался мне ниже и ниже. А когда сверху послышался визгливый голос тети Тамары: «И долго я ещё ждать буду?!», героический образ Коли в моих глазах растворился, и я увидела высокого, тощего парня, убегающего от меня с видом покусанного псами кота.

Я прислонилась к косяку и слушала, как быстро простучали его тапочки по ступеням, как пробормотал что-то ма-

тери этот ничтожный трус, как хлопнула дверь на пятом. Потом я щёлкнула замком и влезла с ногами на диван. На улице было плюс двадцать, но я накрылась пледом, дрожа от холода, который залил сердце. И я больше не плакала – во мне зрел протест. Желание революции и справедливости подмяло смущение и жалость к себе.

«Проститутка, говорите? Да пошли вы!» – пробормотала я и кинулась обрезать юбки до совершенно пошлого мини.

Утром нарядилась, надела яркие полосатые гольфы, едва прикрывающую ягодицы юбку, навернула из длинных волос что-то невообразимое и пошла в школу. Тётя Лида будто ждала меня во дворе.

– Рита, ай, Рита, на кого ты похожа? Что бы твоя мама сказала?

– Что я красавица, – ответила я, развернув плечи и глядя соседке прямо в глаза. – И папа тоже!

– Я же тебе говорила...

– Зря старались! – перебила её я. – Вы не имеете права лезть в мою личную жизнь.

Сморщенное личико тёти Лиды стало похожим на кукиш, и она выдала:

– Личная жизнь должна быть красивой.

– А у вас с мужем она красивая? – усмехнулась я, чувствуя, что не она, взрослая женщина права, а я.

Та хлопнула ресницами, застыв от возмущения. А я добавила:

– Вряд ли. Но вы мне не рассказывайте, мне это не интересно!

– Да как ты смеешь, девчонка!

– Смею, – громко, на весь двор заявила я. – Я посмотрела в Интернете: даже закон есть о частной жизни, и вы его нарушаете! Ещё раз подойдете или будете обо мне слухи распространять, мой папа вернётся и подаст на вас в суд. Он обещал! И на соседей сверху тоже подаст!

Это была ложь, но я пошла ва-банк.

Тётя Лида и проходившие мимо к остановке соседи, включая Колиного отца, опешили, а я развернулась и пошла в своём мини с гордо поднятой головой.

«Я впервые поцеловалась, а значит, я стала женщиной, – думала про себя я. – А что для женщины главное? Папа всегда говорил: «Достоинство».

У меня не было повода ему не верить.

Кстати, потом папа меня похвалил и купил куртку «вырви глаз», а Колин отец носил ему коньяки, настойки на клюкве, грибы в баночке и заискивал, говоря, что жена «дура».

Правда, две недели спустя.

* * *

Я поднялась в свою квартиру. Закрывает за собой дверь, скинула пальто и сапоги. Телефон звякнул смской: «Не обижайся. Я тут ни при чём. Честно. Яндекс»

Я поджала губы и стянула шарф. Странно, откуда у него мой номер телефона? Из договора стащил? Чёрт...

Но что он имеет в виду? Империя Красницкого нанесла ответный удар?

При мысли о проклятом Красницком, внизу живота всё внезапно стало горячим. Видимо, из-за остаточной ярости.

Глава 5

Рита

У меня много друзей не только в соцсетях. Я люблю замутить, повеселиться, вкусно поесть, оторваться на полную на танцполе, и мне вообще не важно, танцует кто-нибудь или нет. Мне звонят, ко мне приходят, пишат, и это всё клёво, хоть иногда даже я устаю от толпы.

Но особняком от всех стоит мой сосед через балкон, Ясик. Милейший парень, умница, книги запоем читает, стихи пишет, в музыке разбирается лучше любого критика, очень задушевно поёт, а какие у него блинчики! Мммм, съешь вместе с пальцами и не заметишь. Впрочем, Ясик даже овсянку приготовит так, что она будет казаться исключительно царской едой. Он – гений и душа.

С Ясиком можно в пижаме и разноцветных носках посмотреть кинушку и обсудить её с жаром. Причём не важно: про любовь, про инопланетных монстров или серийных маньяков. Ясик тонко чувствует людей, цвета, стили, будто камертон. Он всегда скажет, идёт тебе или не идёт новый прикид, и как исправить проблему с полусырой и подгоревшей курицей в духовке.

Единственный недостаток Ясика – он не от мира сего. А ещё он невысокий – ниже меня почти на голову, худенький – натуральная сопля в скафандре, зато весьма симпатичный

на лицо, смуглый, с немного раскосыми карими глазами и страдальческим взглядом на мир.

Ему б в Европе жить или в заокеанском столпе насильственной демократии, но Ясик родился в беднейшей семье, в нашем тмутараканном районе, только недавно ставшем Москвой. А потому Ясик не просто постоянно становился объектом насмешек, но также был жестоко бит.

Ясик у родителей был поздним, они умерли давно, а я по привычке за него заступаюсь. Ору на гопников, помогаю ему с оформлением документов и ремонтом стояков, с решением конфликтов с соседями и прочей бытовухой, для которой он явно не создан. Ясик словно мой младший брат, которого у меня никогда не было, и лучшая подружка.

Ясик раним и часто беспомощен, боится толпы и запертых помещений. Но на следующий вечер после съёмок всеми-чертями-проклятого телешоу меня утешал Ясик, а не я его.

Дело в том, что мы включили ток-шоу у Ясика на нужном канале. Мой «подружка» нанёс вкусокостей к чаю, и мы начали смотреть. Я, честно говоря, думала, что меня просто вырежут, как лишний марш у Остапа Бендера, но нет...

От увиденного я взялась нервно за ножичек рядом со сливочным маслом, вспомнила обещание Яндекссу и... разревелась от разгула несправедливости. У Ясика вытянулось лицо. Он смотрел то на меня, то в экран телевизора, а я размазывала слёзы вместе с тушью по щекам и ругалась:

– Как они могли настолько перевернуть всё с ног на голову?! Как?!

В ток-шоу ведущая спрашивала у меня:

– Рита, почему вы написали петицию в защиту леса, вы эколог? Это вас живо интересует?

– На самом деле, мне без разницы: самшиты реликтовые, динозавры или котята... – Я отвечала с холодной усмешкой (фу, какое у меня было лицо). – Или острова мусора в Тихом океане...

– Для вас главное – хайп? – якобы договорила за меня ведущая. – Но для чего?

– Чтобы потом грести деньги лопатой, я знаю, это потом всё равно вырежут.

– Ну что вы, мы снимаем передачу без купюр. Хотелось бы уточнить, потом – это когда? – спросила Катерина Белинская.

– Я ждать особо не намерена.

– А вы понимаете, что за ваши посты нужно нести ответственность? Для вас важно, что вы преподносите людям: правду или ложь?

– Мне без разницы. Я не налоговая полиция и не ОБЭП.

– То есть вы хотите сказать, что единственное, что для вас имеет значение – это скандальность, помноженная на финансовую прибыль?

– Конечно. Моё главное оружие – мой блог.

– В вашей анкете сказано, что вы не поступили во ВГИК...

– Да.

– Не оценили ваш талант?

– Увы, мы живем не в идеальном мире.

– Почему вы написали петицию против министерства окружающей среды и господина Красницкого.

– Хотелось что-то сделать. О ком, мне без разницы...

Затем вышел Красницкий, демон, прикинувшийся ангелом, и начал вещать про Россию, про страну и про то, какой он клёвый.

Меня снова перевернуло до колючек и жара в животе, я аж сидеть спокойно не смогла на диване.

А потом, когда я устроила на телевидении дебош с микрофоном, на сцену выскочили два охранника!!! И не я сама, а они заставили меня уйти со сцены, после чего из-за кулис раздался шум и гвалт. А ведущая сказала с фальшивым огорчением:

– Это просто невероятно! И такие персонажи имеют влияние на умы наших детей! И этому человеку удалось провести двести пятьдесят тысяч человек, подписавших петицию. Представьте, они верили! Верили в то, что блогер Рита Мостер искренне борется за экологию, но это не так!

– Что только не делают люди ради дешевой славы и

быстрой прибыли! И именно поэтому я выступаю за цензуру в Интернете. Я сам вкладываю деньги только в родную страну... – заявил Красницкий тоже не в том порядке, в каком говорил.

Подсветка грянула откуда-то из-за его спины, и он чуть ли не засветился. Глаза серо-голубые, волосы светлые. Всё же он красив, проклятый дьявол со взглядом Каа.

Я снова шморгнула носом. Ясик засуетился:

– Заюшка, чайку попей! С травками, с мятой, душицей, просто успокоение сердца. И печеньки я для тебя спёк, попробуй, моя хорошая, – приговаривал сочувственно он, поглаживая меня по спине.

Я сидела в пижаме и сморкалась в одноразовые салфетки. Жалкая курица, да и только!

– Знаешь, Ясик, – улыбнулась я ему. – После обильных слёз чувствуешь себя, как запойный пьяница «после вчерашнего». И выглядишь не лучше.

– Заюшка, ты всегда прекрасно выглядишь, ты же красотка! – робко возмутился Ясик. – Выскажи мне всё! Выскажи всё, что думаешь, полегчает...

– Как же я ненавижу его! – выпалила я, скомкав горсть салфеток пальцами. – И всё телевидение на свете! Зря я согласилась идти на этот зомбоящик! Ты бы знал, Ясик, как там фальшиво! Надо было сразу догадаться! И где был мой мозг, когда я подписывала этот дурацкий договор о конфиденци-

альности?! Меня просто разрывает написать о том, КАК там всё происходит!! И что они делают, выдавая за правду. Понимаешь, на телевидении вообще всё фикция!

– Ну хотя бы мне расскажи, я никому – могила, – заверил Ясик. – Но тебе точно будет лучше... Древние индийцы писали, что беседа с подругами имеет для женщины терапевтический эффект.

– Мне психотерапевтический нужен, – мрачно ответила я. – Или топор. А лучше томогавк.

– Ну и я не совсем подруга, – улыбнулся Ясик.

– Мне надо память стереть, чтобы всё развидеть. Я теперь вообще выгляжу неадекватной душой. Да дура я и есть. Повелась на провокацию и на эти его наглые взгляды! Ох, Ясик, я хочу так ему ответить, так! Просто небо взболтать, чтобы все звёзды ему на макушку посыпались, а потом из глаз искры-искры-искры! И пожар!

Ясик странно на меня посмотрел:

– Ритуля, Заюшка, а у тебя нет температуры? Тебе бы отдохнуть.

У меня уже созрел план.

– Нет, где мой ноут?! Я сейчас кое-кому напишу, а потом Красницкому так отвечу, что будет видеть меня в кошмарах! Гарантирую!!!

Я не могла сказать Ясику, я и себе не могла признаться в том, что этот мерзавец мне снился. Да, прежде чем взболтать небо, я должна успокоить бурю в собственных мозгах.

А чтобы он не снился, я была согласна на лоботомию.

Глава 6

Иван

День прошёл как всегда в суете. Согласование бюджетов на следующий год по отделам и филиалам – та ещё морока.

Впрочем, я люблю планировать. Люблю ставить последнюю точку в проекте, предварительно погоняв подчинённых, как коней по ипподрому, до седьмого мыла, пока не придут с чем-то действительно стоящим и не перестанут гнать туфту. Им полезно – ожиревший мозг просыпается. Заодно они сбрасывают лишние кило, потея на собраниях и экономя на личных тренерах. Лишь наиболее одарённые, коих единицы – финансовый директор Павел Максимович, аналитик Костя Молотов и Зульфия Закировна из поставок, – работают на опережение. Правда, я и их хвалю через раз. Избыточность доверия расхолаживает. Никто не отменял формулу «кнут + пряник = эффективность», причём в соотношении восемьдесят на двадцать.

В общем, завалившись домой, уставший, как собака, я был доволен: работа кипела, офис жужжал, процесс отлажен, как часовой механизм. Я всё знаю наперёд, просчитываю, улавливаю, контролирую и пользуюсь этим.

Я переделся в спортивные штаны, футболку и пошёл в спортзал на второй уровень – сгонять с себя стресс. Да, я не только «хомячков» гоняю...

Алевтина Петровна, горничная-экономка, принесла мне на серебряном подносе кофе и грейпфрутовый сок.

– С листиками мяты и перцем, как вы любите, Иван Аркадьевич, – сказала она. – Я могу идти?

– Да, идите, спасибо, – кивнул я.

Вежливая улыбка. Официозное прощание. Дверь за ней закрылась.

Алевтина Петровна работает у меня давно. Она знает все мои привычки и странности. Я официально дал себе разрешение чудить, после того, как заработал первый миллион. Алевтина Петровна делает мне соки, солит баклажаны и зелёные помидоры по-домашнему, строит клинеров и убирает сама до больничного блеска. Только она может приготовить жареную картошку так, как я люблю – в меру хрустящую, с луком и чесноком, порезанную аккуратной соломкой. И даже кормит меня малиновым вареньем с чаем и какой-то сверх-лимонной гадостью, если простужусь.

Я привык к Алевтине Петровне, к её всегда одинаково уложенным валиком густым золотистым волосам с проседью, форменному голубому платью с иголочки, удобным, но женственным туфлям и к виду элегантно стареющей женщины предпенсионного возраста. Я бы скучал, если бы она не встречала меня в двадцать один ноль-ноль. Но я бы ни за что не позволил ей жить со мной под одной крышей. Это принцип.

Женщины, друзья, знакомые сюда приходят и уходят, ко-

гда я решу. Я предпочитаю оставаться один ночью в стеклянной крепости на верхних этажах собственного небоскрёба. Мне нужна тишина, воздух, пространство для размышления. Пожалуй, только сам с собой я расслабляюсь. Мне не надо что-то себе доказывать, что-то из себя представлять и кого-то нагибать. Ждать, что предадут. Себя предать трудно.

Я выдыхаю с облегчением, когда щёлкает замок, и не соответствую ничьим ожиданиям и никаким штампам. Не думаю, что кого-нибудь впусти в эту глубоко частную жизнь. А потому лейбл «самый завидный холостяк» прилип ко мне надолго. Думаю, навсегда. В нём есть куча бонусов, особенно когда мне становится скучно, и я выхожу «поохотиться».

Пару раз я даже был помолвлен и каждый раз удачно: до свадьбы не доходило. Когда мама достала меня вопросами о внуках, я купил ей лабрадора. На следующий год – золотистого ретривера. На моё тридцатитрёхлетие – пару карликовых пуделей. Теперь маме некогда задавать мне подобные вопросы, она носится за своими «пёсиками» по моему дому и саду в Барвихе и пытается выдрессировать хоть кого-нибудь, раз меня не вышло.

Я зашёл в спортзал, встал на беговую дорожку и потребовал у своей системы «Умный дом»:

– РБК⁴.

Понеслись биржевые новости: «Тесла выплатила рекорд-

⁴ Канал коммерческих и биржевых новостей, курсов валют и т. д.

ную сумму по облигациям»; «Последствия пенсионной реформы»; «Bloomberg о градостроительстве с нуля». Краем уха слышал знакомую фамилию. О, мой адвокат приобрёл 29,6 процентов акций банка «Москва-Развитие». Молодец, растёт. Не много ли я ему плачу? А и ладно, плачу ему не только я. Зато мой Юрий Самвелович – надёжный, «как весь гражданский флот»⁵. И хитрый, когда надо.

Я приказал системе:

– РБК выключить. Сообщения.

На экран перед тренажёром высыпались сообщения за вечер, отсортированные секретарём и системой. Я включил нужную скорость и побежал, перебирая корреспонденцию голосом.

О, файл от Боброва! Передачу прислал? Посмотрим.

Люблю, когда всё подчиняется расписанному мной порядку, и никто не сидит без дела, занимаясь неизвестно чем.

«Как та блогеша», – подумал я и сам на себя разозлился.

С какого перепуга меня постоянно в мыслях перекидывает на неё? Видимо, реально бесит. В ней всё шиворот-навыворот, наизнанку: ковбойские сапоги вместо шпилек; джинсы на телевидение, водолазка вместо декольте, подтасовка фактов и игра на публику. Меня аж дрожь взяла от возмущения.

Реально надо запретить кому ни попадя шаландаться в Интернете и писать что в голову взбредёт. Правильно у ки-

⁵ Намёк на песню Высоцкого.

тайцев сделали – своя поисковая система, фейс-контроль и регистрация в Интернете только по паспорту. Серьёзные ребята!

Не то, что эта Рррита... из неизвестной подворотни. Смазливая мордашка и уже звезда!

Она слишком живо мне представилась.

Тренажёр снова показал, что у меня участился пульс. Ду-рость!

Я сегодня выходил из холла и, садясь в машину, увидел девицу с плащом длинных чёрных волос, в тёмном пальто и в ковбойских сапогах. Меня аж подбросило. Вижу я, конечно, не подал, но взглядом задержался, пока она не обернулась. Все всегда чувствуют мой взгляд.

Нет, это была не блогерша. Даже и близко нет. Я испытал разочарование, смешанное с идиотским раздражением. Из ума выжил. Вроде всего тридцать пять, а не шестьдесят и паранойя. И вообще мне всегда нравились блондинки, типа Белинской, так какого чёрта?

Я скомандовал системе:

– Открыть видео-файл.

Бобров обещал бомбу. Посмотрим, как расстарались телевизионщики. Вспомнились вчерашние съёмки, стало смешно и ломливо, как после вечеринки, когда всем было весело, и только ты один почти трезвый, как дурак, сидел и всё понимал вместо того, чтобы отрываться по полной.

С мальчишеским нетерпением я смотрел, как загружается

файл, хоть это и заняло считанные секунды. Раздалась фирменная заставка ток-шоу. В принципе, я уже всё видел.

Но по мере прокрученных минут я мрачнел, а в груди расплывалось то неприятное чувство, едкое, как кислотный туман, и боль в желудке. Тупыми молоточками по вискам пробило: меня подставили! На это раз по-крупному, перед всей страной.

Я остановил беговую дорожку и сжал кулаки. Я сухо приказал компьютеру:

– Набрать Боброва!

Пара длинных гудков. Медиа-консультант на фоне барной стойки расплылся патокой по экрану:

– Иван Аркадьевич, я вам файл отправил, как вы просили! С видео. Вы посмотрели?

– Уволен, – ответил я и отбил звонок.

Глава 7

Иван

Следующий день был таким же пасмурным, как и моё настроение. Голова гудела после Хеннесси и маминого звонка в семь утра:

– Ванечка, я вчера видела тебя на телешоу, чего же ты не предупредил! Если бы соседка мне не позвонила, я бы...

– Говорил тебе: не смотри всякую дрянь, – ответил я, морщась перед зеркалом в ванной. Рожа, как из анекдота.

– Как же дрянь, Ванечка! Ты прекрасно смотрелся! И рубашка с галстуком в тон.

– Это был не я.

– Как не ты?! Ах, ты снова за своё, сына! Шутишь... Но, послушай, я в шоке, каких они туда людей наприглашали! Не могли кого-нибудь приличного подыскать?

– Не всем посчастливилось работать с трупами, – буркнул я.

Дело в том, что моя мама – судмедэксперт. Уже на пенсии, но всю жизнь проработала, вскрывая хладные тела и определяя причины смерти, увечий, насилия, так что отношение у неё к жизни своеобразное. Когда случается что-то из ряда вон, мама спокойна, как чугунная сковородка. Но в повседневной жизни это самое нервное, беспокойное и суетливое существо, считающее, что со мной обязательно что-то слу-

чится.

Стоило мне в детстве задержаться на десять минут, гоня мяч с ребятами, в её воображении меня обязательно похитили, многократно зарезали, избили и оставили умирать голым на пустыре. Примеры из жизни она рассказывала мне в красках. Заламывала руки и в слезах требовала сидеть дома, гулять в пределах видимости и аптечки. Желательно на поводке, в шлеме и наколенниках.

Меня спасло то, что работала мама много, запойно и даже дежурила по ночам. До сих пор страшно представить, что происходит в её прекрасной черепной коробке при виде меня. Когда я поступил в универ и свалил подальше – в Питер, они с отчимом оба вышли на пенсию. Он, бедняга, не выдержал, сбежал.

Правда спустя год вернулся, а потом опять сбежал. Недавно мама хвасталась – Виктор снова звонил, в гости просился и вообще. У него просто патологическое пристрастие к патологоанатому. Или желание пожить на халяву в Барвихе на четырёхстах квадратных метрах с парком, озером и армией прислуги. Тоже могу понять. Мне пофиг, пусть сами разбираются.

– Ванечка, ну зачем этот цинизм? – возмутилась мама и тут же добавила, сама себя перебив: – Кстати, у тебя странный голос, с тобой всё в порядке?

– Всё.

– Ничего не болит?

– Ничего.

– Иногда это тоже симптом, – засуетилась мама, – ты не хочешь показаться Карлу Арнольдовичу?

– Нет.

– Но сына, я волнуюсь за тебя!

Начинается... Хотя если маму несёт в эту сторону, значит, у неё самой всё настолько в порядке, что она начинает искать подвох и подковёрную катастрофу. В этом случае выход один.

– Собаки здоровы? – спросил я.

– Да, Кусе, пуделихе младшенькой, прививку сделали, но она уже весёленькая.

– Говорят, перед смертью всех отпускает, – заметил я.

– Иван! – повысила голос мама и, обиженная, положила трубку.

Я выждал полминуты и перезвонил.

– Ма...

– Что?

– Люблю тебя.

– Какой же ты всё-таки сложный, сын!

– Сам удивляюсь, как ты меня терпишь, – ответил я.

Вместе с ответным «люблю» и краткой нотацией о моём невыносимом характере наш разговор благополучно завершился. Я спас себя и мою секретаршу от звонков через каждые пятнадцать минут и заботы о моём здоровье по всему полному медицинскому справочнику, за исключением ма-

стита и родильной горячки.

День начинался гадостно, но теперь по шкале ниже нуля переместился на «и хуже бывает». Я вздохнул и начал собираться на работу.

* * *

По дороге в офис мы торчали в сырых снежных пробках, я читал новости и поглядывал в окно. Прямо перед светофором у супермаркета «Пал Палыч», который не так давно построила моя компания, в глаза бросился инвалид на кресле, пытающийся заехать на пандус.

На колёса налипла снежная каша, всё скользило. Я поморщился при виде того, как пытит мужичок с красным лицом. Охранник у входа позёвывал и наблюдал, справится ли колясочник с задачей. Угу, ралли Париж-Дакар...

– Останови! – сказал я водителю.

Вышел. Шагнул с размаху в лужу, промочил ногу насквозь. Чертыхнулся и направился к инвалиду. Молча взялся за ручки кресла сзади и вкатил его в супермаркет.

– Ой, спасибо, парень, спасибо! – обрадовался мужичок и покраснел ещё больше.

– Не за что, – буркнул я.

Вкатил его дальше на торговую площадь и подлетел к охраннику.

– Эй, ноги не болят?

– Нет, а чего это они должны болеть?

– Предфантомные боли, – сказал я, отряхивая перчатки и сжимая кулаки. – Потому что сейчас я тебе их переломаю.

Амбал насупился.

– Да я тебе...

– И мне, и твоему директору напишешь объяснительную, почему ты такой debil. Контузило на фронтах или родился отсталым? – продолжил я, глядя на него свысока. – А потом уйдёшь в неоплачиваемый больничный и попробуешь, как это – без ног за хлебом ходить.

Рожа охранника перекосилась. Гора без мозга и мозжечка двинула на меня.

– Здравствуйте, Иван Аркадьевич! – послышалось справа.

Я оглянулся. Лицо подошедшей женщины было чем-то знакомо, не помню чем. Мало ли их?

– Мы с вами на презентации нашей сети встречались, – пояснила похожая на мымру-учительницу дама. – Возникли какие-то проблемы?

Вспомнил! Она кто-то там из руководства. Может, директор этого супермаркета?

– Проблемы у вас. С обслуживанием клиентов с ограниченными возможностями, – ответил я, поджав губы.

– О да, пандусы очень неудобные, – вежливо улыбнулась дама.

– Отчего же вы не выставили нам претензию?

– Ну, это такая незначительная часть населения...

– Смотря для кого незначительная, – усмехнулся я. – Ваш охранник, к примеру, не стал помогать троюродному дяде начальника ОБЭПа города Москвы. Обидно будет, если из-за такой мелочи вас накроет проверка.

– О-о, спасибо, что сказали! – вытянулось лицо у мымристой дамы. – Мы непременно исправим! Непременно! Спасибо!

– Обращайтесь, – буркнул я и развернулся к выходу.

Сбежал по лестнице, чуть не грабанулся, поскользнувшись, и вслед мне донеслось:

– И это тоже исправим!

Я не обернулся. Как легко люди верят в блеф. Я тут же вспомнил вчерашнее шоу, разъярился, выругался четырёхэтажно и поехал громить подчинённых.

* * *

– Весь проектный отдел ко мне! – рывкнул я секретарю, заходя в офис.

В приёмной жался на кресле Бобров, зелёный, как ящерица, которая от страха отбросила хвост. Он приподнялся.

– Иван Аркадьевич...

Я бросил секретарше пальто на стол и, злой, как чёрт, ворвался в свой кабинет. Регина появилась через секунду с кофе и папкой. Светлые волосы в пучок. Очки на взводе. Армейская выправка, боевая мини-юбка.

– Бобров давно сидит? – спросил я, усаживаясь в кресло.

То спружинило и эргономично под меня подстроилось.

– Я пришла, уже был под дверью. Пустить или выгнать?

– Пусть сидит. Может, начнёт мемуары писать, хоть какой толк.

Регина кивнула.

– В папке документы на подпись, Иван Аркадьевич. Проектировщиков вызывать всех или главных?

– Всех. Закажи мне стейк, сухие носки и инвалидное кресло.

Регина моргнула, но сделала пометку в планшете и уточнила:

– Кресло на электроприводе?

– Нет, самое говнёвое. Чтоб через час было. Пока не будет, проектировщиков не впускать.

– Что-то ещё, Иван Аркадьевич?

– После проектировщиков договор с телеканалом и начальника юр. отдела.

– Хорошо.

– И продублируй мне файл об этой блогерше, Рите Мостер, – распорядился я и отвернулся к монитору.

Искать самому было не с руки и некогда, у меня в почту за день насыпается под тысячу сообщений.

Меньше чем через час я отодвинул своё супер-удобное эргономичное кресло и переместился в холодный с улицы образчик механического ужаса. Какие дебилы проектировали эти кресла? Они сами пробовали передвигаться, крутя колёса руками?! Ткнул на кнопку и приказал Регине:

– Впускай проектировщиков.

Они зашли, толпясь испуганно, как стадо из семи разбуженных хомячков. Я выехал на инвалидном кресле из-за стола и наткнулся на их непонимающие взгляды.

Играя на нервах, я мрачно и демонстративно объехал их всех, не предлагая сесть. Пауза затянулась. Саспенс. Люблю такие моменты. Возможно, во мне умер Хичкок.

– Что случилось, Иван Аркадьевич? – не выдержала, наконец, Ольга Рылова, архитектор с кучей дипломов, наград и зачётной грудью. – Вы получили травму? Когда? Как? Это ужасно!

Другие ожили и тоже принялись показательно сочувствовать.

Я встал с кресла и подошёл к ним.

– Да нет, это прекрасно, – заявил я с холодной усмешкой. – Столько сочувствия. Слова поддержки. Я тронут. Плачу...

Проектировщики смотрели на меня, не понимая.

– Плачу потому, – перешёл я на угрожающий тон, что только что в наших современных handicapped people friendly⁶ конструкциях чуть не остался без головы. – Я толкнул к Ольге кресло: – Присаживайтесь.

Она, бледнея, села.

– Удобно? Нравится? – поинтересовался я.

Ольга робко пожалала плечами.

Я отошёл подальше от этих хомячков, развернулся и сказал:

– Надеюсь, что удобно. Потому что те из вас, кто хочет работать дальше в моей компании, с сегодняшнего дня передвигаются по офису только в креслах. Пока я не передумаю.

– Где же их взять, Иван Аркадьевич? – проблеял Сушинский.

– Где угодно, – отрезал я. – За свой счёт. Я плачу вам достаточно, чтобы это не было для вас проблемой.

– Но Иван Аркадьевич... – встрял их главный, с красивой сединой и бородкой профессора Андрей Романыч Донцов, ещё один обладатель гран-при и прочей пафосной архитектурной лабуды, – это же повлияет на эффективность рабочего процесса! Вы вечно усложняете нам задачу!

– А на хрен мне ваш рабочий процесс, если сегодня я понял, что вы не душу в проекты вкладываете, а задницу?! – рыкнул я.

Повисла гробовая тишина.

⁶ Дружественных для людей с ограниченными возможностями

– В супермаркетах «Пал Палыч» переделать все пандусы для инвалидов. Каждому, – я сделал паузу и надавил голо-сом: – Каждому из вас не только по офису на колёсах поката-ться, но и по всем нашим объектам проехать. И по объ-ектам конкурентов. Снять видеотчёт и предоставить мне. Также подробные отчёты о недоработках, план реконструк-ции и сметы на каждый объект! И чтобы больше я так за свою компанию не краснел! – прорычал я. – Свободны!

Стадо хомяков-лауреатов ломанулось прочь и не подумало сопротивляться. Я с отвращением оттолкнул от себя ин-валидное кресло и взгромоздился на своё, родное. Умное.

Люблю всё умное, но в реальной жизни в процентном со-отношении дебилы перевешивают.

– Иван Аркадьевич, – проговорила в коммутатор Реги-на, – Левин пришёл, начальник юр. отдела. Договор с теле-каналом ему передала. Он его уже проверял, но просматри-вает повторно. И Бобров снова просится.

Я наморщился, как от запаха сероводорода.

– У тебя аккаунты в соцсетях есть?

– Есть.

– Подпишись на Риту Мостер. Проанализируй аккаунт не как мой секретарь, а как женщина. Девушка.

– Что именно?

– Всё, что придёт в голову. Причины популярности, векто-ры, упоминания в СМИ. И на Ютуб канал тоже подпишись. Мне скинь ссылки.

– А Бобров...

– Пусть подумает над тезисом: можно ли считать обман обманом, если ни для кого не секрет, что это обман?

Глава 8

Рита

Папа не считал мою работу работой, пока однажды я не подарила им с мамой холодильник. Огромный, дорогой, классный! В родительском деревенском домике под Рязанью он смотрелся, будто космический челнок в бане, но я специально так расстаралась. Просто супер как повезло, что у них, наконец, приказал долго жить неубиваемый «Полюс».

Я помню, как гордо расписалась крепким ребятам-грузчикам, доставившим новейшее чудо морозильной техники, и сказала папе:

– Я, конечно, фигурками занимаюсь, но вот это, – я театрально приложила к холодильнику, погладила его и, как при поцелуе, согнула ножку, – это как раз такая ерунда, которую можно купить на эти фигурки.

– Ого! Неужели ты в своих блогах заработала? – опешил папа.

А мама, довольная, уютная моя плюшечка, как всегда поправила его:

– Валерик, не сто грамм, сеть не так называется.

– Вот именно, – заявил папа, но уже без обычного сарказма, а с некоторым восхищением, – только сто грамм и помогут разобраться в этих социальных сетях и неводах!

Папа терпеть не может гаджеты, зато обожает присказки

про «водочку», с особым вкусом цитирует советские фильмы с юмором под градусом, но при этом пьёт совсем немного. В основном, папа принимает на грудь со своим корешем, Львом Степанычем Каблуковым, профессором в отставке, под футбол или для настроения, когда они что-нибудь вдохновенно на кухне готовят.

Папа предпочитает настоечку на смородине, которую стал делать, вычитав в книге у Кончаловского. Иногда он экспериментирует с медовухой, потому что у него на участке имеется мини-пасека и грех было бы не попробовать. На том его «остаграммывание» и заканчивается. Но послушав, можно решить, что папа – записной алкоголик и завзятый пьяница.

Я так рада, что они с мамой перебрались на природу! Среди сосен, ёлок и грибных запахов мама ожила, порозовела и даже стало казаться, что все её диагнозы придумали сами врачи. За то, что папа бросил, наконец, любимую работу и ради мамы переехал в леса, я прощу ему всё: и несерьёзное отношение к моей профессии, и шутки, и подкалывания особенно после клюквяночки.

Из купленной хибары папа своими руками построил сказочный теремок, баню и поставил ульи. Он создал практически натуральное и абсолютно экологически чистое хозяйство, опять же ради мамы. Я бы хотела, чтобы меня кто-то тоже однажды так полюбил! На грани жизни!

Но холодильниками самоутверждаться мне не всегда удаётся. Увы, жизнь блогерская не подразумевает зарплату и аванс, соцпакет и «кофечай» за счёт работодателя. С деньгами у меня иногда густо, иногда пусто. У родителей я не прошу и ни за что просить финансовую помощь не стану, им самим не особо хватает. Я всегда разбираюсь сама!

Кем я только не работала за свои двадцать почти семь лет: секретарём, курьером, оператором сотовой связи, аниматором в детском центре, промоутером, копирайтером, помощником фотографа, моделью и продавцом в бутике.

Однажды мне случилось быть приглашённой на собеседование к знаменитому режиссёру, который заметил меня в гуще статисток, но дальше кастинга не зашло – он получил от меня по лицу больно и пообещал, что в мире кино у меня никогда не будет работы. Я думала – врал, но пока сбывается: во ВГИК меня не взяли, и даже на роль третьей подруги героини второго плана в замухрышном сериале не утвердили.

Однако теперь я свободна, как рыба в море, и меня всё устраивает в моей работе. Многим работа блогером представляется, как баловство фитоняшки: сделал селфи, губки навывкат, грудь вперёд, моргнул выразительно ресницами, а потом снова в пижамку и в кресло с чихуахуа играть.

Всё совсем не так. Я отслеживаю новости, отвечаю на ком-

ментарии, переписываюсь с рекламными агентствами, составляю медиа-план, обрабатываю фото, придумываю идеи, концепции и еду сниматься туда, куда никто и не подумает влезть, чтобы сфотографироваться. Например, на крышу одного из небоскрёбов в Москва-сити, на заброшенной станции метро или на ветке старого дуба в шортах и в шпильках.

Думаете, зачем это надо? Для дела! Яркие, концептуальные фото в сети – это всё. Мысли – это уже второе, многие не замечают и первого слова. К счастью, таких всё меньше: половину хватает на первое предложение, и надёжную, лучшую треть подписчиков – на весь пост! Учítывая, что на сегодняшний день у меня пятьдесят тысяч подписчиков, точнее... Эммм, за эту ночь уже за ... вау – почти под двести! Отвечать мне на комментарии-не переотвечать!

Но главное то, что за все свои годы работ и подработок я обросла знакомствами, как Тарзан бородой, и поэтому знала, к кому и зачем обращаться.

– Никита, – улыбалась я лисой в телефон, вернувшись от Ясика и перестав шмурыгать носом, – мне очень нужен дрон, тот самый с возможностью панорамной видеосъёмки.

– Что ты затеяла на этот раз? – с интересом хмыкнул мой знакомый оператор Никита в трубку. – Снять себя, прыгающей с трамплина на Воробьёвых горах и с вытаращенными глазами, рекламируя очередную экосумочку?

– Кое-что получше, – рассмеялась я.

– Даже представить себе не могу, что может быть лучше?

Ты будешь прыгать с трамплина в одних чулках?

Олень.

– И не мечтай.

– Ну помечтать – дело святое! – продолжал надрывно, по-лошадиному гыгыкать Никита, с которым я познакомилась ещё на вступительных во ВГИК.

Мы немного повстречались, но не срослось, потому что с такими оленями лучше дружить и быть рубахой-парнем, чем романтической парой. Так мы и дружим с тех пор. С ним и ещё с одним оленем из ВГИКа – Владом Стеблухом, который кстати, мне очень помог с развитием блога. Я и не знала, что он крутой SMM-щик. Всегда думала, что он тусит только в мире телерекламы.

– Дрон дай – тот, на который ты нашу вечеринку снимал в сентябре, – сказала я. – Можно бартером.

– Какая ты настойчивая!

– Скоро свой куплю, не буду к тебе приставать.

– Да нет, приставай, а то совсем звонить перестанешь. Когда тебе надо?

– Лучше прямо сейчас.

– Полночь, звезда моя, сейчас полночь. А завтра мне рано вставать: снимаем для одного сноба рекламу.

– Опять целый день? – вздохнула я. – Слушай, давай я туда подскочу прямо с утра?

– Ну... не то, чтобы это очень было удобно. Прямо с утра будет главный, а вот часикам к двенадцати подгробай.

– А куда?

– Адрес скину, консьержа предупрежу. Это новый жилой комплекс «Цветы Поднебесной», слышала?

– Оу, пафос какой! – хмыкнула я. – Не слышала, но Гугл подскажет. Главное – дрон.

– С возвратом только.

– Ну, когда я не возвращала?

– Мда, тебе как в банк, – рассмеялся Никита. – Но только на четыре дня. Потом у нас в студии аудит оборудования, меня вздёрнут, если чего-то не досчитаются.

– Зуб даю, аккаунтом клянусь, – заверила я и довольная, распрощалась с Никитой.

Дрон мне был нужен для мести и восстановления справедливости. В моей голове план сложился по полочкам лучше любой, ранее придуманной рекламной концепции.

– Антиреклама, господин Красницкий, – сказала я своему отражению, – тоже работает на законах пиара, только наоборот. Все ваши потуги, подтасовка, нарезка кадров и паскудные телешоу поблекнут. И не путайте это с чёрным пиаром. Вы, кажется, хотели стать народным избранником? Забудьте!

Я сделала лицо индейца перед снятием скальпа с врага, ухмыльнулась и пошла в свою святая святых – к шкафу.

Дрон для съёмок, считай, уже у меня, осталось раздобыть денег на поездку в Сочи. И я знаю, где. В моём электронном ежедневнике уже висел красный флажок с пометкой «важ-

но». Я не очень люблю появляться на подобных мероприятиях, чувствуя себя немного лишней среди стаи прекрасных, эстетически обманчивых акул, охотящихся за денежной романтикой, и хищников, ищущих лёгкого секса. И да, я имею в виду ивент в клубе «Мохито», за появление на котором и за пост мне прилично заплатят.

Эх, я так хотела отказаться, но теперь это шанс!

Я посмотрела на свои «боевые» ботфорты на высоком каблуке, аккуратно стоящие на коробке, раскрыла шкаф и застыла, глядя на наряды, как Суворов на Альпы. На этот раз экостиль не подойдёт. В «Мохито» полный фейс-контроль, да и рекламодаватель сделал однозначные пометки в задании относительно внешнего вида.

Я вытащила вызывающее чёрное платье, приложила к махровому халату, встряхнула волосами и накрутила одним движением губы алым. То что надо! Женщина разозлённая тоже может быть красивой! А месть – это всегда что-то алое на чёрном!

Глава 9

Рита

Я, наконец, выпалась. Больше не лежалось, а несло куда-то вперёд, словно внутри заработал моторчик. Просто у меня есть цель! Я ведь Стрелец, и у меня день рождения скоро. Я подскочила с кровати, мысленно пересчитала дни до знаменательной даты и поставила синим маркером галочку на пятнадцатом декабря. Небо хмурилось, но попробовало бы оно испортить мне настроение! Неа, не выйдет! Я вышла на кухню и ахнула: весь подоконник превратился в цветущий сад!

“Калифорния в душе! Утро задалось! Если за окном мороз, а на подоконнике развернулись яркими лепестками к свету южные калифорнийские бугенвиллии, значит, всё хорошо! Мир улыбается и шлёт привет! Даже если ты решила его завоевать... Дано добро! Бугенвиллии расцвели! Ура! Где мой меч, стяг с гербом модного бренда и боевая губная помада?” – так я написала в утреннем посте под фотографией собственного окна.

Я щёлкнула кнопкой на электрическом чайнике, сыпанула кофе с полезными добавками в огромную стеклянную чашку, больше похожую на бульонную – я не размениваюсь по мелочам. Затянула пояс на махровом халате. Залила аромат-

ный порошок кипятком и понеслось.

Шерил Кроу запела под гитарные аккорды на всю квартиру: “All I wanna do is have some fun” – да, дорогая, я тоже очень хочу повеселиться. И, думаю, у меня это получится сегодня!

На завтрак – зарядка и долго сваренная овсянка со сливочным маслом и мёдом, тёмным, с папиной пасеки, страшно полезным, правда, не знаю, чем. На вкус он горьковатый, с затаённой каштановой ноткой. Яблоко тоже порезала в кашу. Никакого сахара, никаких чипсов и прочей химической дряни. Ведь ещё один плюс и минус бытия блогером – выглядеть надо хорошо всегда!

Можно, конечно, отдаться во власть Фотошопа, но я больше ратую за натурпродукт. На встречах не прикроешься постером с собственным изумительным цветом лица. Так что приходится прилагать усилия.

И вообще моя жизнь блогера началась с магазина Эко-Жизнь, в котором я работала продавцом-консультантом и где писала о буднях, мыслях и собственных экспериментах, в том числе и с продукцией магазина. Мне просто было любопытно и хотелось куда-нибудь применять знания, полученные на вечерних литературных курсах.

Число подписчиков росло, люди вдруг стали спрашивать у меня совета в сети гораздо чаще, чем у витрин в самом магазине. Однажды я показала аккаунт нашему директору, предложив услугу виртуального продавца, похожего даже не

на личного консультанта, а на подругу тем, кто писал, и поэтому вызывающую больше доверия.

Петр Саныч сначала отнёсся к предложению скептически, но я как всегда, хорошо подготовилась. Я предъявила ему отчёты по продажам до моих экспериментов и после. А также сравнительный анализ заказов с моими постами. Несмотря на не «гаджетовский возраст», Пётр Саныч был впечатлён, взял тайм-аут на раздумья, а потом решил попробовать.

Я до сих пор с ними сотрудничаю. Мне не стыдно за то, что я предлагаю людям, потому что сама всем пользуюсь, ну за исключением мешковатых льняных платьев, которые, может, и экологичны, но априори не моё.

Итак, соцсети – это лицо крупным планом. Но красивых фоток и голой искренности недостаточно, чтобы тебя приняли и полюбили читательницы. Нужно не хвастаться собой, но и не угождать, отражая их полностью. На самом деле, людям надо предлагать не лживый вариант того, какими они сами хотели бы быть. Образ. Я до этого додумалась однажды в метро, листая ленту новостей.

Каждый из нас ищет в чём-то поддержку, мотивацию и собственный путь к счастью. Большинству требуется подремонтировать жизнь – кому-то просто подкрасить и подлатать по углам, а кому-то капитально заменить то, что сломалось, или вернуть съехавшую крышу. В нашей жизни одни ищут гуру, другие психолога, третьи – блогера в соцсетях, ну а четвёртые ничего не ищут, им просто картинки нравятся. Кем

бы вы ни были, с вас лайк!

Так или иначе, но в некотором смысле на мне лежит ответственность. Поэтому я стараюсь питаться правильно, посещать тренажёрный зал, следить за тенденциями в моде. Ну и ухаживать за собой, конечно. Хотя масштабно, ни от чего не отмахиваясь, это получается только в воскресенье – зато я превратила его в настоящий сакральный ритуал. Масочки на лицо, шею, руки, пятки, волосы. Хорошо, что меня никто не видит – сижу, намазанная и мало привлекательная, в собственном СПА, то есть в тщательно восстановленной и теперь белоснежной чугунной ванной советского типа, с ненавязчивой музыкой а ля Тайланд. Чувствую себя звездой и королевой. Рядом плавает уточка.

Зачем она мне нужна, я не знаю. Купила после видео Навального о нашем премьер-министре. Ну, я ведь не хуже... Правда, я выбрала синюю. Это мой любимый цвет.

* * *

Сегодня было не воскресенье, а потому я позавтракала одним глазом в кашу, другим в телефон, вымыла тарелку и поняла, что пора срочно вылетать на встречу с Никитой. Главное, чтобы Колесников не забыл о дроне!

Я выдвинула ящик, пестрящий цветами и оттенками, выбрала пару кричащих тёплых носков – один жёлтый с малиновым зайцем, другой зелёный с серым волком. Очень сим-

волично, хоть и не видно под джинсами и ковбойскими сапогами. Вопрос, кто из нас с Красицким волк? Он наверняка уверен в своей зубастости. Пока.

Свитер, дублёнка на плечи, шапка и длинный шарф, и здравствуй, улица!

Почти час в метро, толпа на Тверской, ужасающий гигантский цыпленок, сующий флайер прямо в нос. Зависшая карта в подмороженном Айфоне. Поворот направо, поворот налево. Спросила у очкастого дядьки в нелепой меховой шапке, как пройти до нужной улицы. Прохожий оказался французом, но дорогу на ломаном английском подсказал. Обожаю мой город! За это в том числе.

Я вырулила за угол, чуть не поскользнувшись на плитке, и остановилась перед элитным комплексом «Цветы Поднебесной». Вау! Кто-то решил учредить Нью-Йорк в самом центре Москвы? И хватило же денег оттяпать такой кусочике! Это не дом, это целый квартал – с мраморными тёмно-коричневыми плитами понизу, украшенными орнаментом индейцев майя – при чем тут Китай? Или «Поднебесная» намёк на другое – мол, выше только небо и счёт в швейцарском банке? Что-то это мне напоминает.

Помнится, был такой богачей, который прославился фразой: «У кого нет миллиарда, идите в ж*пу». Он построил башню Федераций в Москва-Сити и обанкротился. Теперь и у него нет миллиарда, и никто не знает, где он скрывается. А я подозреваю это место – он сам назвал...

Я заметила во дворе знакомый фургон съёмочной группы и решительно направилась к подъезду, возле которого он стоял. Холл, как в пятизвёздочной гостинице: мрамор, люстры, стойка ресепшн и запах кофе.

– Прошу прощения, вы к кому? – вежливо, но настойчиво спросила зализанная девушка у стойки, эволюционный пик тётки на вахте.

– Я со съёмочной группой, – бойко ответила я и показала бэйджик с прошлой выставки цветов с именем и фотографией. – Помощница оператора, Никиты Колесникова. Рита Мостер.

– Погодите, я проверю, – сказала девушка и отвернулась к монитору.

Увы, не сработало. Что ж, олень, ты сам меня сюда вызвал, сам забыл, придётся тебе отвлечься от работы. Мне было не лень и ночью вчера приехать.

Я постукивала нетерпеливо бэйджиком по отполированной стойке, словно он был золотой кредиткой и давал неограниченные возможности. А чего мне собственно бояться? Я же не банк граблю, я просто хочу испортить жизнь одному мерзавцу.

В голове звучал подхриповатый голос Шерил Кроу с гитарами и той же песенкой про «повеселиться». Я улыбалась, девушка-консьерж не торопилась меня впускать. Я бы рванула и так, но отметила мысленно наличие пропускной пикалки для ключей-карт.

Чёрт! Уже двенадцать.

– К сожалению, вас нет в списках, – резюмировала девушка. – И с места съёмок ответственный не берёт трубку.

Я стянула шапку, потому что стало жарко.

– Тогда сама попробую дозвониться, – улыбнулась я ей, вопрошая Мир, зачем мне препятствие.

Из дверей, ведущих в холл, вышел бородатый хмырь с красным носом и в расстёгнутой дутой куртке. Рядом с ним ещё двое. Хмырь с видом императора прошёл к выходу, а его долговязый спутник в очках от солнца, мотоциклетной куртке с мехом и в шапке-ушанке вдруг обернулся и воскликнул:

– Оу, Рита?!

– Влад! – обрадовалась я.

Это был наш общий с Никитой знакомый со времён зелёного абитуриентства, Влад Стеблук. Он работал на той же студии, отвечал неизвестно за что, за то же получал большие деньги с большим пафосом, быстро спускал их, всегда говорил о звёздах, гонорарах и смешно пел на английском голосом Дональда Дака, когда напивался до уровня морской свинки. Безвредный, для большинства бесполезный, если не считать продвинутость в блогах и ценные советы. Зато над его пением очень весело можно поржать.

– Хэй, сис, ты как тут? – соизволил подойти Стеблук.

– Ник забыл пропуск выписать, – вздохнула я. – А мне позарез надо к нему попасть.

И тут Мир проявил себя неожиданно.

– Бери мой. Оставишь потом на ресепшене Лидочке, – он одарил голливудской улыбкой меня и модерн-консьержку – каждой по порции гламура и блеска искусственных зубов.

Девушка робко возразила:

– Так ведь не положено.

– Привыкайте, Лидочка, к нам, богатым, – сказал Стеблух и доверительно признался: – Мы те ещё наглые сволочи. Но Рита, она своя. Она с нами. Запомните это лицо!

Стеблух сунул мне в руки пластиковый ключ, проявив чудеса неслыханной доселе щедрости.

– Держи!

– Спасибо! – подмигнула ему я.

– С тебя блог. То есть пост. Тьфу, лучше выпьем на досуге, есть что рассказать тебе, телезвезда!

Я покраснела, вспомнив о позорном ток-шоу, а он небрежно бросил:

– Никитос на последнем этаже, от лифта прямо по коридору, потом налево. Третья дверь, кажется. Не заблудишься, остальное заперто. Там они ещё не всё достроили.

– Окей.

* * *

Минуту спустя потрясающий лифт нёс меня наверх плавно, как цыплёнка в ладошке. Я расстегнула дублёнку и оттянула шарф. Всё было хорошо, только жарко.

Отделка коридора в этой части здания была завершена, стояли скамеечки на бордовых ножках, с бежевыми мягкими сиденьями, а вот вдалеке, в самом конце ещё видны были недоделки. И свет не горел.

Я свернула налево, как сказал Стеблух, и тоже оказалась в серой полутьме. Странно, что они снимают здесь... Хотя, может, важен сам процесс? Ведь наверняка съёмки застройщик заказывал. Возможно, хотел запечатлеть крутость кирпичной кладки или инженерных приспособлений?

Я отсчитала третью дверь, толкнула её и вошла. В бетонной коробке с пятиметровыми потолками никого не было. В смысле ни намёка на съёмки, осветительную аппаратуру, суету и студийный народ.

У огромного панорамного окна, идущего от самого пола почти до потолка стоял спиной ко мне мужчина в пиджаке и джинсах. Он смотрел на Москву. Мне бросились в глаза рыжие стильные латки на локтях и такого же цвета ботинки. С синим хорошо смотрелось.

– Извините, а съёмки не здесь проходят? Я, наверное, ошиблась? – спросила я широкоплечую спину и русский затылок.

Мужчина обернулся. И я забыла, куда пришла и зачем. Подумалось только о носках разного цвета с нерелевантным рисунком, а бёдра непроизвольно сжались.

Это был Иван Красницкий.

Глава 10

Иван

Я промариновал Боброва до вечера. Когда проходил мимо него по приёмной, делал вид, что не вижу, но отмечал: красный, зелёный, побледнел, покрылся багровыми пятнами. Просто не метросексуал с наметившимся пивным брюшком, а времена года в одном лице. Ничего, пусть сидит, думает. Даже пингвин способен высидеть яйца. Или отсидеть.

Когда за окном потемнело, и снова стал кружить в свете фонарей белый снег, я нажал на кнопку внутренней связи и уточнил у Регины:

– Бобров сидит?

– Сидит. Работать мешает, Иван Аркадьевич. Можно я его отправлю уже?

– Нет, неси мне кофе. Потом зови на ковёр.

– Хорошо.

Проштрафившийся медиа-консультант вполз и застыл, утробно сопя. Я глянул на него краем глаза, бросил небрежно:

– С чем пожаловал?

– Иван Аркадьевич, – проямлил Бобров. – За что вы меня... уволили? Ведь я выполнил ваше задание! Образ получился максимально положительным! И потом детали, если они были неудовлетворительными, то вы должны знать, по-

нимать... Это же телевизионщики сами монтировали! У меня нет на них власти, это их царство... Я только посредник, Иван Аркадьевич.

«Так и не понял», – с раздражением подумал я и спросил с прищуром:

– Я, по-твоему, косноязычен?

– Нет.

– Я туплю? Ляпаю непонятно что и не к месту?

– Н-нет, Иван Аркадьевич, что вы!

– А, может, я похож на ученика, которому репетитор нужен? Или вообще нянька?

Медиа-консультант молчал, недоуменно моргая. Я продолжал давить:

– Давай, скажи, нужен?

– Нет, почему...

– Тогда за каким хреном, – я понизил голос и встал с кресла, – и какому кулинару из моей речи понадобилось делать оливье?!

Бобров втянул в голову плечи.

– С какого перепуга надо было вставлять непонятных клоунов-охранников, словно я не могу словом с девчонкой справиться?! Я цирк заказывал?! – мой голос гремел по нарастающей.

Бобров трясся, сесть я ему так и не предложил.

– Говори! – рявкнул я.

– Иван Аркадьевич, это всё телевизионщики... у них свои

взгляды... Это же ток-шоу, я там кто? Я никто, только договорился, ваши требования передал... При всём желании я не мог ничего свыше того, что получилось... И потом эта блогерша, она же теперь вообще никуда не сунется... После такого. – Он осмелился взглянуть на меня.

Я саркастически ухмыльнулся:

– А я сам, по-твоему, на троечку с ней поговорил? Слабачок, массаж не прокатит?

– Ну что вы, Иван Аркадьевич! Вы одним словом, как прессом. И взглядом. Вот как сейчас...

– И, по-твоему, зрители поймут это с вашего сраного ток-шоу?!

Бобров опустил веки. Облизнул тонкие губы.

– Электорат... Иван Аркадьевич... электорат такое любит...

– А что любит?! – разъярился я. – Говнюков во власть?! Патоку фальшивую? Придурка, который девчонки испугался?! Охрану вызвал?! Это, по-твоему, положительный и правдоподобный образ представителя законодательного собрания, да?! – Я уселся обратно в кресло, слегка откатился и сказал уже холодным, сухим, как наждак, голосом: – По условию договора с телевизионщиками я плачу за обеспечение достойного имиджа. По факту – в результате проделанной ими работы моя репутация упала до уровня подземной канализации. И теперь я в глазах телезрителей сопляк, которого, о Боже, обидела беспринципная девица. Платок есть?

Растерянный Бобров суетливо захлопал по карманам, и вытащил початую упаковку бумажных платков. Я не обратил на неё внимание и продолжил издевательски слёзно:

– Такая плохая девица, что я расплакался. Все платки высморкал. Как она посмела меня обидеть? Даже старушкам на дачах меня жалко стало. Мне звонили, я знаю. – Я снова сделал паузу, наблюдая, как морщится в ожидании шея под подбородком Боброва, словно загодя приноравливается к воображаемой гильотине. Я добавил: – А вот тот, у кого руки есть, интернет и хотя бы пара самостоятельных извилин, пошёл и посмотрел, что за стерва такая – Рита Мостер? И знаешь что в результате, а?

– Что? – дрогнул Бобров, желтея до белков, как гепатитный пациент инфекционного отделения.

– А то, что на её аккаунт за ночь подписались свыше ста тысяч человек. Информация о скандале вирусно разнеслась на все соцсети, на всякие Пикабу и макабу. И подписчиков у неё стало в три раза больше везде. А петицию ни с хрена подписали ещё двадцать пять тысяч человек.

– О нет... – простонал Бобров.

– О да! И всё сплошь активная молодёжь, которая априори не верит «зомбоящикам» и всех «хороших» там считает продажными. А читать такие вьюноши и девушки умеют и не ленятся. Вот они и почитали. Так что результат на лицо, репутация в ж*пу! Соответственно, мне платить каналу не за что. И тебе тоже. Слишком дорогой получился косяк.

– Но Иван Аркадьевич, – промямлил Бобров. – Другие... все кто хотят попасть туда, куда и вы... Они пользуются телеканалами. Я ведь уже на проверенном опыте работал, не на пустом месте... Вы же видели план медиа-проекта и сами одобрили... Но тут правда, без прикрас, есть предел, дальше которого мне не ступить. Меня никто просто не пустит в монтажную федерального канала. И я не могу увидеть передачу раньше, чем она выйдет на экраны! Я просил, я требовал. Это не моя ошибка, это форс-мажор и человеческий фактор, Иван Аркадьевич! Ни одна машина не могла этого просчитать!

– Тем более, – ровно заявил я. – Значит, такой баян козе не нужен.

– И вы меня увольняете? – совершенно отчаялся Бобров. – Я же так старался, Иван Аркадьевич... Ради вас. Я раньше никогда и ни в чём вас не подставлял. Сколько уже было интервью на радио, в весомых ресурсах, пресс-релизов, презентаций...

«Раньше не было Риты Мостер», – подумал я с раздражением, понимая, что сам кардинально отстал от современных трендов с этими проклятыми соцсетями, блогерами и прочей мутотой.

Не знаю, каким образом эта Рита и мне под корку забралась. Значит, что-то в ней всё-таки было! Долбанная харизма? Революция в зрачках? Выразительная грудь? Или всё в совокупности...

– Ладно, – сказал я, отворачиваясь к монитору. – Даю тебе ещё один шанс. Завтра берёшь юриста и отправляешься на переговоры с телевизионщиками. Свою позицию я озвучил. Пусть предлагают, как исправлять. Комплексно. Иначе я аннулирую рекламный пакет тоже. Это первое.

– Хорошо, я сделаю, я всё сделаю, – выдохнул, не веря своим ушам, Бобров. – Спасибо, Иван Аркадьевич, я не подведу...

– Второе. Ни одного больше шага не предпринимаешь без консультации нормальных СММщиков. Нанимаешь десяток девочек-мальчиков из тех, что в соцсетях, как рыбы в воде. Никаких маститых профессоров, это уже устаревший ресурс. Они за трендами не успевают. Если ты не в курсе, пойдик школьникам и спроси. Они тебя точно просветят, что ныне актуально.

– Хорошо, обязательно. Это очень правильное решение, – чуть увереннее ответил консультант.

– И третье. – Я всё-таки повернулся к нему. Встретился глазами. – Разработанная тобой программа имидж-мейкинга ни к чертям не годится.

– Но ведь аналитика...

– Мне нужна новая аналитика. И электорат не только из пенсионеров, но и из молодёжи. Можешь вздрючить пиарщиков, отдел кадров, маркетинг, коучей, психологов, да хоть уборщиц. Главное результат, – распорядился я. – Я проверю и перепроверю. И если снова подкинешь лажу, лично тебе

снесу голову. И другого шанса не будет.

– Спасибо за доверие, – закивал Бобров. – Я всё сделаю. Прямо сейчас займусь. Прямо сейчас. Сразу! Я не подведу, Иван Аркадьевич! А Рита Мостер...

– А такие как Рита Мостер после подобных выбреков не сдаются, – парировал я. – Посты её почитай. А потом Фрейда.

– Хорошо, Иван Аркадьевич. Сделаю. Всё сделаю. Спасибо вам!

Он исчез за дверью, раскланиваясь, а мне стало муторно. Идиот. Сколько же идиотов вокруг! Увы, я физически не смогу всё делать сам, приходится полагаться и делегировать. Но прежде чем дать свободу, надо скрутить в бараний рог так, чтоб аж рёбра хрустнули. У любой свободы есть границы. Если ты свои чётко не очертишь, будешь лететь на пинках, очертя голову, на топливе чужих ошибок. И сам будешь виноват.

Я вздохнул.

Рита Мостер опять пришла в голову. Краеугольный камень с сиськами, чёрт!

Я скомкал бумажку и скатал её в шарик. Бросил издалека и попал в кубок за лучший девелопперский проект. Трёхочковый. В десяточку. Скатал другой. Снова попал.

* * *

Человеческий фактор, пожалуй, самая рискованная переменная. Гения, олигарха и политика может слить смазливая модель с образованием в восемь классов, потому что обиделась. Как это недавно случилось с Михаилом Кондоровым и стоило ему выборов.

«Жёлтая резиновая уточка» в бассейне, снятая с дрона, может затмить все достижения видного государственного деятеля в глазах народа. А в идеально построенном доме, готовом к сдаче, уборщица может не стереть пятно от масла, потому что явилась на работу в расстроенных чувствах. И миллионный контракт сорвётся только потому, что полный чувства собственной важности инвестор поскользнётся на этом пятне и раскроит себе череп. На сером мраморе останется серая масса. И в рай, и в ад все одинаково поедут на катафалке. А я не досчитаюсь прибыли.

Глава 11

Иван

На следующий день перед обедом я зашёл переодеться домой. Бросил в прихожей надоевшую куртку. Решил, что достаточно пиджака. Всё равно в машине тепло, а в аэропорту совсем запарюсь. Алевтина Петровна забеспокоилась:

– Иван Аркадьевич, не замёрзнете?

– Не волнуйтесь. В Париже прогноз аномально тёплый этой зимой.

– Вы летите надолго?

– Завтра вернусь.

– Вы так дома редко бываете! – Покачала головой моя супер-горничная. – Хоть бы изредка отдыхали.

– В аду отосплюсь, – рассмеялся я. – Там говорят, каждому отдельный котёл выдают. С обслуживанием.

– Ох, Иван Аркадьевич, не надо бы таким шутить.

– Бросайте сегодня работу, идите отдыхать, – разрешил я.

И спустился с пентхауза центрального корпуса «Поднебесной» на почти доделанный этаж – проверить, как в левом крыле работают рекламщики.

Там всё кипело. По отделанной полностью квартире рассекал на байке нанятый каскадёр. Известная актриса, Дарина Парошина, выглядывала на улицу со стеклянного французского балкона, подставляя голову под снежные хлопья. Бе-

лый шарф развевался, тонкое платье эротично вздымалось из-под светлого пальто. В руке алая роза. Казалось, Дарина или взлетит, или вывалится. Операторы суетились, осветители тоже.

Я понаблюдав немного и, обойдя двух киношников, направился в противоположное крыло, где размещались ещё не проданные студии. Зашёл в пустое, полностью готовое к продаже помещение ценой почти в миллион долларов. Скоро эти студии уйдут с молотка, и тут всё изменится согласно вкусу и прихоти новых хозяев. Коснулся каменной кладки, почувствовал монолитную надёжность стен.

Пока они мои. Масло. Было что-то настоящее, кайфовое в не облицованных стенах. В красных и синих трубах, ползущих по полу к встроенным радиаторам, в стекле до потолка. Простота. Отсутствие обмана.

Я всегда чувствую привкус гордости от того, что причастен к созданию этой простоты, без патоки, без фальши. Как кипяток из чайника, даже без заварки. Хлебнёшь такой с мороза, и хорошо.

Что бы ни было потом сверху: обои, штукатурка обычная или венецианская, панели, паркет, мрамор, в основе всегда останутся эти простые стены. И немного меня.

* * *

Я стоял и почти ни о чём не думал, застыв в благой тиши-

не, как в медитации. И вдруг за спиной из пустоты материализовался женский голос, ужасно знакомый:

– Подскажите, я не туда попала или съёмки всё-таки здесь проходят?

Я обернулся. В светлом квадрате входного проёма стояла розовощёкая с морозца, как гимназистка в старом романсе, яркая, синеглазая, с красным длинным шарфом, запутавшимся концами в прядях прямых блестящих волос, и приоткрытыми от удивления, свежими, чуть припухшими, как две половинки сливы, губами. Шапка в руках, расстёгнутая дублёнка, словно она забежала с прогулки к подружке домой, а не нарушила границы частной собственности.

Я даже растерялся на мгновение, так она была красива. А ещё потому, что она нарушила. Никто не пустил бы сюда с улицы её, блогершу Риту Мостер! Однако наглость. И зачем? Чтобы застать меня врасплох? Хм...

Я мгновенно собрался, глянул на телефон в её руке и не удержался от сарказма:

– О, это вы, госпожа Мостер! Что, снова гонитесь за популярностью?

Её изумительные глаза расширились и загорелись синим огнём, а я улыбнулся:

– Да идите сюда, не бойтесь. Я не кусаюсь. И за селфи с собой денег не беру.

Я был уверен, что она сейчас развернётся и рванёт от меня, как чёрт от ладана. По крайней мере, что-то такое

во взгляде пробежало. Но блогерша беззастенчиво усмехнулась, достала из кармана Айфон и направилась ко мне, отстукивая решительно каблуклами по бетонной стяжке.

– А кто вам сказал, что я вообще чего-нибудь боюсь?

Взгляд глаза в глаза. Вызывающий. Синий. Будто берёт на слабо. Вот как?! Интересно. Она подошла. Гордая осанка, спина прямая, но не расслабленная, как кошка в присутствии чужих, готовая дать когтистой лапой, оставив кровавый след, если кому-то вздумается погладить. И я с удивлением осознал, что нервничаю.

Она встала и развернулась ко мне спиной, почти касаясь плечом. В объективе Айфона отразилось бликом солнце, вырвавшееся из-за многослойных московских туч. Её макушка ниже моих глаз, запах тонкий и чертовски женский коснулся носа. И мне вдруг стало душно. Но я собрался мгновенно, взглянул в камеру, изобразив улыбку на селфи рядом с Ритой. Блогерша нажала на кнопку. По привычке посмотрела на результат и опустила руку, зажав в ней телефон, как гранату.

– Ну и достаточно, – сухо сказала она, отступив.

Я шагнул за ней.

– Мне до сих пор интересно, за что вы на меня ополчились?

– Вы знаете. За самшитовый лес, – отрезала она без тени улыбки.

Я усмехнулся и коснулся её предплечья. Она взглянула на

мою ладонь так, словно это была клешня инопланетянина и вопиющее нарушение пакта о межпланетном ненападении. Я убрал руку. Засунул обе в карманы.

– Мы тут с вами вдвоём, Рита. И не стоит выдавать желаемое за действительное, – произнёс я примирительным тоном. Во мне боролись две силы – желание наказать за ложь и наглость и намерение развернуть момент на сто восемьдесят градусов. Оставить и... Я даже подумал о том, чтобы извиниться за дурацкую нарезку на ток-шоу. Просто так.

Рита недобро прищурилась и процедила:

– Как у вас только наглости хватает – перекладывать с больной головы на здоровую?!

Я прекрасно понял, о чём она, но не удержался от иронии:

– Иногда крыша, плотно прикрученная к голове, не позволяет расти дальше.

– Вам виднее, вы строитель, – съязвила она. – И как, удобно жить без крыши и без принципов? Ничто не мешает, особенно такой атавизм, как совесть?

– А вот хамить не надо, – помрачнел я.

– «Правду говорить легко и приятно⁷», – процитировала она Булгакова, враждебно скалясь. В её глазах плескалась неприкрытая ненависть. – Попробуйте однажды для разнообразия, господин «народный избранник».

И неожиданно для себя я понял, что меня трясёт. Мелкой дрожью, словно долбануло электрическим током от стацио-

⁷ «Мастер и Маргарита»

нарного телефона. По венам и конечностям. В голове исчезли мысли, словно их намотало на пуп и утянуло к паху. Захотелось обогнать её, захлопнуть входную дверь, и оставшись один на один, вытрясти всю дурь из головы. Слишком красивой, чтобы вообще думать. И начать с бесстыжих, ярких губ.

Но разум, как утопленник из колодца, рявкнул: «Остановись!» Я сжал кулаки в карманах и коротко выдохнул. Блоггерша вылетела прочь.

Я поймал себя за шкирку вместе с порывом броситься за ней. Заставил себя развернуться снова к окну и опустил ладонь на не облицованные камни. И вторую. Ещё раз выдохнул. И ещё. Сначала быстро, потом наполнил лёгкие до краёв и шумно выпустил углекислый газ. Что это за ерунда? Завёлся с пол оборота.

Такого больше не повторится.

Глава 12

Иван

Погода после обеда испортилась. Снежная крупа била о стёкла автомобиля, а затем и терминала, словно инопланетные насекомые атаковали землян. Выл ветер. Вскоре международный аэропорт Шереметьево был забит до отказа изнывающими пассажирами, а новые продолжали прибывать. Все рейсы задерживались.

Семейство в одинаковых оранжевых пуховиках из Якутии шумело рядом. Напротив юная пара с унылыми лицами смотрела фильм на компьютере. Им явно куда больше сейчас улыбалось лететь на Бали, а не сидеть здесь. Бизнесмен с красным оттенком кожи, как у техасца, изучал ножки блондинки в уггах со стразами и меховыми помпонами на мини-юбке. Ну, тоже занятие.

Я заказал кофе и снова уткнулся в ноутбук. В зале ожидания я работал, как обычно. Скучно мне не бывает нигде. У меня переписка с инвесторами по поводу нового проекта, на носу презентация, чертежи, разработки, продажи. В «Герос Групп» два десятка юридических лиц. Регина переводила на меня важные звонки. Рабочий процесс с поправкой на дорожные условия. Ничего удивительного. Вот только сегодня всё шло наперекосяк, словно мне не блогерша, а чёрная кошка дорогу перебежала. Когда к ночи вылет на Париж от-

менили, я окончательно в этом убедился.

Ёжась от снега в лицо и пронизывающего ветра, я пробежал несколько метров и слёту ворвался в такси. Своего водителя не стал дожидаться, это было не рационально. И всё-таки несмотря на массу отвеченных писем, решённых вопросов, меня крутило ощущение чего-то неправильного. Как подкрадывающийся грипп.

– Обогрев сиденья включите, – попросил я таксиста.

– Как скажете, – кивнул водила в свитере. – Вы не против музыки?

Не против. Особенно, если это добрый старый блюз.

Я уткнулся в окно, разглядывая снежную мошку. Я не ангел, но какого хрена меня ненавидеть? Она из тех, кто придумывает ложь, а потом в неё верит? Тогда это диагноз. И какого чёрта я то и дело цепляюсь за неё мыслями?

Я вообще не склонен к самовыносу мозга. Я человек дела. Я не успокоюсь, пока не вычеркну с чувством удовлетворения из списка выполненный пункт, пока не поставлю жирную галочку: «Done⁸». Мой друг Дамир ещё в универе говорил девчонкам: «Ванька – робот. Если он что-то прописал себе в программу, хамбец. Дыру протаранит, подкоп сделает, а добьётся».

От армии меня мама, не спрашивая, отмазала, но я сам себя регулярно «призывал в армию»: дисциплина, концентрация, выполнение задач. Отгулы я по юности давал себе

⁸ Готово (англ.)

редко, в основном, с Дамиром и нашим «Грязным Джо» и то в качестве бонуса за какой-нибудь результат.

В общем, когда другие маялись дурью, накуривались, гуляли и попадали за это в траблы, мне было некогда. Я пахал. Я ставил цели и шёл к ним. Упорно, иногда прошибая лбом стены, иногда обходя их, в том числе даже закон, порой на грани фола. Но всегда с просчитанными рисками – в мой бизнес-план не входила отсидка по глупости. И если что-то раздражало, это было первым признаком, что я сам не молодец.

У однокурсника новая тачка? Злили богатенькие сынки богатых родителей? Решение было только одно – понять, что я реально могу сделать, чтобы купить тачку и решить, нужна мне такая или лучше.

Теорема результативности проста: там где нельзя что-то сделать, можно выгодно продать. Где нельзя продать, можно обменять или договориться. Где нельзя договориться, можно обхитрить. В крайнем случае напугать. Нет ситуаций безвыходных, есть просто выход, который тебе не нравится.

Я с детства знал, что стану богатым, ни минуты в этом не сомневался. В старших классах уже планировал, добивался, организовывал и шёл ва-банк. У меня была двойка по поведению и отлично по предметам. Учителя меня ненавидели, но мне было плевать. Я всегда считал, что делаю себя сам и сделаю.

Результат налицо: строительная корпорация, титул одного

из наиболее успешных бизнесменов моего возраста, полная финансовая свобода. Именно стремление к ней привело меня на стройку ещё когда я был пацаном-студентом. Но кирпичи я клал только одно лето, потом нашёл тех, кто будет класть дешевле и платить мне, если я дам им работу. Затем изучил спрос на бригады и с однокурсником сделал сайт по «инженерным системам», заплатил паре других однокурсников, чтобы занялись продвижением. Организовал «подработку» другим студентам, кому нужны были деньги, а мне – дешёвая рабочая сила. Меня в шутку называли jobdealer вместо drugdealer – не торговец наркотиками, а продавец работы. В процессе начал сотрудничать с поставщиками материалов – все клиенты любят, когда их обслуживают комплексно.

До пятого курса я научился продавать не только ремонты, квартиры и коттеджи, построенные с нуля, но ещё и время, качество и нестандартные решения. А потом я понял, что мне самому нужна отдельная квартира в центре, и рискнул стать посредником в большом деле. В общем, кирпич к кирпичу, концентрация и упорство в совокупности со взвешенным отношением к риску, позволили мне стать тем, кем я стал.

* * *

Такси застряло в пробке на выезде из Шереметьево.

Из динамика надрывно рипанула гитара, старина Джимми Хендрикс начал петь про «Дитя Вуду». Мне снова представилась синеглазая кошка, готовая зашипеть. Бесит.

В детстве меня тоже многое бесило. Отсутствие родного отца, гиперопека мамы с резкими перескоками на полный игнор, когда она на работе или в поиске очередной «любви на всю жизнь». Но с этим бороться не получалось: просьбы, ласка, требования, эпатаж и хулиганство ни к чему не привели. Когда отчим появился, воспитывать меня уже было поздно.

Именно тогда я и сделал вывод: я буду максимально зависеть от себя. И если уж с предками я бессилён, то в остальном хочу быть эффективным. Все эти семейные штуки мне тоже даром не нужны. Отношения, помолвки, свадьбы, дети... Это только в кино бывает офигенно, в жизни просто все удобно врут себе и остальным.

Я уже к десяти годам понял, что нефиг сидеть на подоконнике и ждать отца, пообещавшего прийти за мной в субботу и повести на: хоккей, футбол, в зоопарк, мороженое поесть.... Его обещания не стоили и копейки, а я больше злился не на него, а на маму. Потому что это она подала на алименты, обозлила отца. И тем меня предала.

Она будто специально выносила отцу мозг при каждой встрече так, что мне становилось стыдно. Из того, что я понимал в их склоках, отец из вредности не устраивался на официальную работу, лишь бы алименты не платить.

Мама не стеснялась в выражениях по его поводу и, как я потом понял, была рада, что отношения с отцом у меня не сложилось. Он был именем нарицательным, сволочью, гадом и козлом отпущения, виртуальным рассадником всего плохого, что во мне было.

Впрочем, ругалась мама заслуженно.

За всё моё детство отец ни разу не поинтересовался, чем я собственно питаюсь, есть ли у меня носки и учебники. Он мог не звонить и не отвечать на смски, а то и вовсе поменять номер телефона. Зато в его духе было вне обещаний и праздников внезапно привезти баснословно дорогую игрушку, ноутбук Макинтош последнего выпуска, горный велосипед, стоящий больше Лады Калины или плейстейшн. И снова исчезнуть на год-два.

По детству я не знал, чем зарабатывал отец, но ездил он на клёвой белой тачке, каких в ту пору ни у кого не было. А когда у меня уже была своя быстро растущая компания с твёрдым фундаментом, он утонул где-то на Камчатке, и меня оглоушило наследством.

Сомневаюсь, что деньги, которые мне достались, были нажиты честным путём, особенно судя по реакции мамы. В ответ на её истерики я пошутил, что это долг по алиментам и нашёл деньгам применение. Несколько инвестиций, череда удачных сделок, и я тот, кто я есть.

В общем, я всегда был силён в стратегиях и бизнесе, но никогда не строил иллюзий насчёт отношений. Поиграть в

них могу, пока не надоест. Я одиночка, и я люблю секс. Мне его нужно много. Однако романтика с женщинами для меня приемлема в строго регламентированном виде. Только я решаю, что хочу, когда и с кем. Обычно недостатка нет.

Никогда не ною и сопли не размазываю.

И вдруг это...

Я и не помню, терялся ли я так из-за встречи с женщиной. Что-то необъяснимое подцепило меня и потащило, как карпа крючком из воды на берег. И на мгновение я потерял самообладание. А она развернулась и ушла. Именно в тот момент я на четверть вздоха почувствовал себя так же, как в десять лет. На том дурацком окне. Когда не шёл отец, а я чувствовал мучительный ком в груди. Слабость.

Тут даже не надо задавать вопрос, почему. Всё ясно – я утратил над собой контроль. И из-за чего! Из-за женщины... От этого меня накрыло.

Чёрт! Секунды хватило, чтобы настроение было вконец испорченным.

* * *

Мы тащились от аэропорта в центр нестерпимо долго. Неудобное чувство снова обосновалось в груди, в паху заныло. И я решил, что мне просто нужна разрядка. Не важно, какая. Одна из многих. Видимо, я перенапрягся со всеми этими ток-шоу и желанием не испортить имидж. Пора наде-

вать значок «ПЖ», то есть «пошли все в ж*пу, кто меня не любит», и устроить веселье. Я пролистал в телефоне список ивентов на вечер. Такси подвезло меня к дому. Я попросил подождать.

Дома бросил портфель, переоделся. И быстро спустился вниз. Я знаю, где «охотиться» сегодня.

– В клуб «Мохито», – сказал я водителю.

Глава 13

Рита

Я бежала из элитного небоскрёба, словно тот рушился мне на голову арматурой, тысячью осколков и бетонными плитами. В висках стучал пульс, сердце выпрыгивало. Щёки горели. Я не понимала: Никита меня подставил? Или Стеблукх? Или я вообще снова врехала со своим географическим кретинизмом третьей степени? Собственно это было не важно, главное – я попала!

Оставалось только спросить у этого наглого викинга с за­таённой в уголках губ усмешкой: «А дрончик не подкинете, чтобы я вам сделала одну маленькую, но ощутимую пакость? Судя по заплаткам на локтях, вы их кусать уже умеете...»

Я рванула на лестницу, через пять этажей вспомнила о лифте. Заколебалась, стоит ли? Застрясть с Красницким в ограниченном пространстве было выше моих сил. Прошла ещё пять этажей, споткнулась о собственный шарф и села в лифт. На самом деле, меня трясло.

Я, конечно, сказала Красницкому, что ничего не боюсь, но это была неправда. Боятся все: красивые – уродства, успешные – провала, неуверенные – критики, эпатажные – быть незамеченными. Герои боятся быть слабыми, а слабые – что их снова унижат. Тиран страшится стать жертвой, ибо подсо-

знательно знает, что любая жертва мечтает замочить тирана – только дай в руки топор. И так по кругу.

А мир отвешивает каждому по ложке страхов, как микстуру от кашля. И делайте с ней что хотите – пейте, глотайте, выливайте на голову вместо шампуня или попытайтесь согнуть ложку взглядом, заляпав себе туфли подозрительно пахнущей жидкостью.

Все боятся. Только идиоты абсолютно бесстрашны.

Чего испугалась я? Без психоанализа и не скажешь. Надеюсь, он не заметил!

Я подошла к Красницкому уверенно, ничем не показывая, что с каждым шагом под его пристальным взглядом всё труднее держать марку. Было жарко, но теперь стало, как в сауне, хоть сдирай с себя дубленку, сапоги и чёртовы шерстяные носки. И физиономия у меня, наверное, была красная...

От Красницкого, словно от ядерного реактора разило активной радиацией на всю каменную коробку. Моё сердце билось, как сумасшедшее. Я растянула губы в дерзкую улыбку. Он ответил такой же, хоть давай медаль «Саркастический ублюдок года».

В полуметре от Красницкого я развернулась сделать селфи. Он шагнул ближе. Одурачивающий запах, внезапная близость, голос с хрипотцой вызвали в моём животе прилив жгучего электричества. У меня закружилась голова, словно я выпила стопку коньяка на пустой желудок. По ногам разли-

лась слабость. Как у человека, которому дышит в затылок хищник.

«Я ненавижу его!» – резко напомнила я себе, уровень раздражения в крови убил панику и превысил допустимые нормы.

Я почувствовала горячее дыхание прямо над ухом. Воображение дорисовало остальное. В камере смартфона на меня смотрели ехидные глаза.

«Сейчас он распустит руки, и я ударю», – подумала я.

Изобразив улыбку, щёлкнула Айфоном как попало и на одном адреналине ретировалась. Красницкий что-то говорил, я буркнула в ответ и поторопилась сбежать. Подальше от него и от собственной взбесившейся физиологии.

Так не бывает! Не бывает у людей с мозгами в голове, высшим образованием и сложившимся взглядом на жизнь! Не может быть такого от одного взгляда, голоса и запаха!

Я ненавижу циничных подонков, ненавижу равнодушных и наглых хищников! Мне даже думать о нём противно! А низ живота говорил об обратном, приравнивая меня к мартовской кошке... Чёрт!

* * *

Наконец, в лицо швырнуло горстью колючего снега. Я выдохнула. Обернулась, тяжело дыша, словно за мной гнались. И пошла прочь, сжимая в руке шапку и шарф.

Я точно ненормальная!

Да, у меня какое-то время не было мужчины после того, как мы расстались со Стасом, но это же ничего не значит! Я всегда дружу с головой!

Снова чуть не растянувшись на наледи, я вспомнила, что несусь к Тверской расстёгнутая. Остановилась, набрала Никите смску, обозвав в сердцах предателем. Застегнула озябшими пальцами верхнюю пуговицу дублёнки. И зазвонил телефон.

– Рита Мостер?

Голос был весьма деловой и официальный.

– Да, я слушаю, – переводя дух, ответила я, отплёвываясь от снежинок.

– Российская Служба Новостей. Мы хотели бы взять у вас небольшое интервью относительно вашей петиции. Вам удобно сейчас разговаривать?

– Не очень.

– У нас срочный выпуск номера. Когда можно перезвонить в течение получаса?

Я переступила с ноги на ногу, оторопев. Увидела глянцевый торец торгового центра и сказала:

– Минут через пять.

– Обязательно перезвоним. До звонка.

Не понимая, зачем я могла понадобиться федеральному ресурсу, я вошла в Торговый Центр, и нашла скамейку в боковом коридоре, куда не доносились оголтелые Джингл Белз,

без устали будоражащие предновогодние нервы потребителей.

Я устроилась на скамейке и зашла через телефон в свой аккаунт на американском ресурсе, который используют все наши, борясь за правду, справедливость и собирая деньги на операции. Закладка с моей петицией выпала первой, и мои глаза расширились.

Сколько?!

376 543 человека!!!

А ниже комментарии, комментарии, комментарии...

Я встряхнула головой и всмотрелась в цифру снова. Не может быть! Вчера было двести пятьдесят...

Всем обычно плевать на экологию, как это ни прискорбно, словно не на этой планете живут. Мои друзья из Сочи с лета пытались что-то сделать, но больше трёх тысяч подписей не собрали. Даже кубанское телевидение приезжало. Походило, снимало, поело люля и варёную кукурузу, а репортаж прошёл незамеченным.

Моя хорошая подруга Оля, гораздо больше меня болеющая за природу Кавказа и Черноморского побережья, писала министру, его замам, депутатам и чиновникам всех мастей, тем временем лес практически исчез с лица земли. Я решила помочь, когда Оля разрыдалась мне в трубку и прислала ужасающие фото. Меня, как хомяка, разорвало от возмущения, я подключилась, и дело с мёртвой точки сдвинулось... Но никто не мог предполагать, что оно сдвинется так актив-

но!

Я снова протёрла глаза, и телефон со звонком высветил ещё один незнакомый номер.

– Это блогер Рита Мостер? – сказали с западным акцентом.

– Да, это я, – кивнула я плюшевому Винни-Пуху в два человеческих роста.

Меня таким не запугаешь. Даже несмотря на гирлянды на шее.

– Си-Эн-Си радио, Трэвор Джонсон. Мы хотэли бы поговорить о ваша петиция на амэрикански сайт. Вы пишэте против миллиардэр Иван Красницки и министр эколodжи. Вы считаете, что они тоже должны попасть под санкции амэрикански правительства?

– При чём тут санкции? – проговорила я, пытаюсь собраться с мыслями. – Не мне решать, кому ездить в США, а кому нет. Суть петиции не в этом.

– Самшитовый лес, о котором вы пишэте, находится в Крыму?

– Нет.

– Но ведь там тоже есть самшит? И он тоже плохой?

– Погодите, я об этом не знаю. Я не стану бросаться голословными обвинениями, – нахмурилась я.

Но мистер Трэвор Джонсон снова заладил о своём. Еле отбилась. Сквозь звонок уже начали до меня дозваниваться журналисты из РСН.

– Ваша петиция собрала... Как вы можете объяснить? Ваши комментарии по скандалу на ток-шоу... Почему вас вывела охрана? У вас личная неприязнь к господину Красницкому?

У меня пересохло во рту. Вывеска кафе поманила мыслью о кофе. Но едва я закончила с этим интервью, позвонили из Подмосковной Новости, потом из ОРС, из РИАРос и так далее. Я застыла на границе между кафе и торговым центром, отвечая на одинаковые вопросы. Особо наглых приходилось отбивать.

На десятом звонке я всё-таки зашла в кафе и ткнула пальцем в латте на табличке. Официант полетел кофеварить. В промежутках между двенадцатым и тринадцатым интервью я успела раздеться. Перед пятнадцатым – увидеть десяток проклятий в свой адрес личке. Ого, хэйтер не дремлет! Вроде же осень закончилась...

Посетители кафе на меня косились, официанты тоже. Кажется, здесь меня запомнят надолго.

Двадцатым позвонил Никита.

– Ритка, ты почему не пришла? И что за наезд вообще, я не понял!

– Какой наезд? – Голова у меня гудела, и об смске я забыла.

– У тебя головокружение от успехов или ты с утра бухаешь, отмечаешь славу?

Я потёрла виски.

– Говори внятно. Меня уже задолбали журналисты с интервью. Кофе остыл, а мысли вспенились.

– Короче, я освободился. Дрон нужен?

– А нужен ли мне дрон... – пробормотала я в растерянности.

– Не, ты реально накатила? – хмыкнул Ник.

– Нет. Слушай, я тут недалеко, в Торговом центре через дорогу и за угол от того проклятого элитного комплекса с пафосным названием. Далеко убежать не успела. Поймали журналисты. Это кофейня Бублик-Рублик. Или чайная. Главное, что на первом этаже.

– Ладно, бегу.

* * *

Через десять минут небритый и мятый, будто принтером жеванный Никитос сидел напротив меня и скалился.

– Хоть на живую звезду посмотреть. Давай селфи сделаем?

Я отмахнулась:

– Какая из меня звезда?! С ума сошёл?

– Ну, если ты хайпанула до третьей строки новостей Яндексa, считай звезда. По крайней мере, на сегодняшний день. А чем тебе дом Красницкого не угодил?

Я уставилась на друга, раскрыв рот.

– погоди, ты хочешь сказать, это его компания построила

«Цветы Поднебесья»?!

– Не только построила. Он ещё и весь пентхауз занимает.

– Зачем? – у меня аж шея зачесалась под колючим шарфом.

– Живёт, – расхохотался Никитос. – Прикинь, и миллиардерам надо где-то жить.

– О-бал-деть... – произнесла я по слогам и уронила голову на стол. – Ты б предупреждал, что ли.

– А я про ваши тёрки только что прочёл. И ток-шоу нарезку глянул. Ты, кстати, отпадно смотришься с левой камеры. Просто звезда. Да и вообще звезда, только не зазвездись. А то потом можно больно звездануться...

Снова тренькнул вызов. Я простонала:

– Я сейчас телефон выключу, не могу больше.

– Не вздумай! – схватил меня за руку Ник. – Такой шанс редко кому выпадает! Считай села на Конька-Горбунка!

– Если ты о Красницком, то он вряд ли похож на Горбунка.

– О да! Скорее, на коня педального! – заржал олень Никита, подтверждая лишний раз, что все ругательства мы прежде всего говорим о себе.

Но я расслабилась. Журналисты продолжали меня одолевать, хэйтеры тоже активизировались. В комментариях под появляющимися в сети статьями обо мне, самшите и гадском «лесоубийце» Красницком писали разный бред, мат и неадекватщину. Особенно там, где присутствовала хоть одна моя фотография. Я пробежалась глазами, покривилась от

эпитетов и подозрений в моей профессии, интимной жизни, волосатости и умственном коэффициенте, и решила больше комментарии не читать. Бабки во дворе по сравнению с комментаторами типа «Аноним» и «Гость» – чистые, невинные, аки горлицы...

Пожалуй, если бы не Никитос и его здоровый олений смех, меня бы раздавило подо всем этим и размазало. Я, конечно, не школьница, которая пишет о котятках своим одноклассникам, но масштабность меня ошарашила. Я попеременно заказывала то воду, то кофе. Во рту продолжало сохнуть.

– Почему?! – тарщила я глаза на Никиту. – Все СМИ грибами просроченными отравились?! Почему вдруг я со своей петицией стала интересна?!

– Всё дело в сексе, – ответил Никита, потягивая через соломинку Пина-Коладу.

Я сглотнула, залилась краской и быстро парировала:

– При чём тут секс? Ты вообще, что ли? Я Красницкого на ток-шоу первый раз в жизни видела!

– Да без разницы, – хмыкнул друг. – Любая картинка пиплу интересна, если есть секс. Даже детские сказки и то все про любовь. Кроме Колобка. Хотя там тоже, про любовь к еде... В общем, сильнее всего у народа развит первородный инстинкт. А тут – ты только не обижайся, окей, Ритка? – ты со своим темпераментом, фигурой и циничностью...

– Я не цинична! Они сами так смонтировали!

– Хорошая работа, – причмокнул языком Никитос. – Вообще без фейков, сразу видно. Так вот. Между тобой и Красницким есть секс. Химия, в общем. Прямо хоть бери и реалити-шоу снимай. – И тут Никита подскочил с диванчика, сбросив на пол клетчатую подушку. – Оу, а это мысль! Слушай, Ритк, а давай тебе за ухо камеру вставим, и ты ему свидание назначишь? Это же бомба будет!

– Совсем идиот?! – взвилась я.

Никитос выставил руки:

– Оу, полегче...

Я глянула на часы и начала собираться.

– Хватит, насиделись. Мне ещё надо попасть домой, а потом на мероприятие в «Мохито». Там презентация новой игры. Платная. А то за все эти интервью никто денег не даёт, только мозг выносят.

Я встала, оставив деньги официанту. Никитос тоже.

– Радуйся, радуйся, балда! Я тебе реально завидую! – воскликнул он, протягивая мне упакованный дрон.

Я взялась за ручку коробки, Никитос задержал её и подмигнул:

– Но ты всё-таки подумай. Это будет здорово: Ты. Красницкий. Секс. Жучок...

Я покрутила у виска пальцем, забрала дрон, и снова звонил телефон. Номер не определён.

Кто теперь интересуется самшитовым сексом: «Фермеры Нечерноземья»?

Глава 14

Иван

Несмотря на колкую белую мерзость, атакующую с неба, у «Мохито» скопилась толпа. Фейсконтроль работал, как конвейер на чугунно-литейном заводе: блестящие заготовки направо, с брачком – на переплавку. Может, в следующей жизни...

Ну да, я прочитал: большой розыгрыш от Bustling Brawl, какой-то новой пафосной игры. У молодняка сейчас самый тренд. Надеюсь, девицы не будут бегать по залу, разыскивая виртуальных Пикачу? Впрочем, если на раздевание, то пусть бегают.

Я с усмешкой прошёл к VIP-входу. Заметил у дверей напротив пару хорошеньких снегурочек. Привратник уважительно распахнул передо мной дверь. Я задумался на секунду: а не прихватить ли одну из них, и шагнул в тепло и полутьму один. Пусть поборются за место у бара. Да победит сильнейшая!

С ухмылкой я пошёл по длинному коридору, больше похожему на служебный вход – новая фишка на нью-йоркский манер. Гардероб – как зев голодного Цербера. Ещё несколько метров невзрачного лабиринта. И из сумрака некрашеного гипсокартона попадаешь под ультрафиолетовые вспышки. На тебя обрушивается пространство со сверкающим потол-

ком. Диджеи на этаже из металлических лестниц. Сочный deep house⁹. Жар движущихся тел в хрипящем ритме. Толпы, толпы, толпы.

И секс во всём. В полосках голых животов. В девушках гоу-гоу в металлических кубках. Во взглядах. Грудях. Ягодицах, обтянутых тканью лишь для одного – чтобы её содрать.

Я почувствовал прилив энергии.

«Удачной охоты», – сверкнуло в заинтересованных глазах официантки в золотом платье-футляре.

«Удачной охоты», – блик светомузыки на снифтере с виски у бара.

«Удачной охоты», – брюнетка, проходя мимо, якобы случайно задела меня голой рукой.

Я улыбнулся, вежливо пропустил её. Не в моём вкусе.

Прошёл по лестнице на VIP-этаж с диванчиками и прозрачными французскими балкончиками со знакомым мне эффектом. Сидишь, всё видишь и будто паришь над всеми, как в Зарядье. Любимая у меня сейчас фишка.

Сразу вспомнил о проекте со стеклянными галереями, который мы запускаем весной. И из полушария в полушарие понеслись чертежи «Кристалл-Центра», расчеты, подрядчики и риски. Мой самый фантастический проект, в России такого ещё не было!

Чёрт, я не для того здесь! Встряхнул головой и вернулся в реальность.

⁹ Клубный стиль музыки

– Закажите что-нибудь? – ко мне наклонилась рыженькая официантка в золотом. Алые губы расцвели в улыбке.

– Виски со льдом. Неразбавленный, – сказал я и откинулся на спинку дивана.

Девицы за соседним столиком улыбнулись мне призывно. Я кивнул.

Ничего так. Но сегодня хочется чего-то особенного – такого, чтобы вштырило и отпустило. А не вижу пока. Хотя не безрыбье, и я не рак.

Я сидел, потягивая виски и разглядывая, как двигаются девочки на танцполе. Тело само отсчитывало ритм, подтанцовывая едва заметно под забойный клубняк. Ненавижу его.

Я лениво оценивал одну, другую. Не тянуло. Разве что к бутылке, которую заказал, когда надоело гонять рыженькую.

Несмотря на хмель с кружочками после очередного шота виски, к горлу начала подкатывать скука. Я перевёл взгляд на головы у бара. И тут меня шибануло – с наполовину наполненным бокалом в руке стояла она! Кошка эта синеглазая. Меня обдало жаром. И внутри аж прорычало «Ррррита»! Чёрт бы её побрал!

Да какого хрена?! Показалось? Нет!

Мозг утонул в волне раздражения. Я заглотнул шот виски до дна и через секунду обнаружил себя, сбегаящим по лестнице. Пульс участился. Светомызыка била в глаза. Клубняк парил над головой и лез под одежду.

Я нетерпеливо отодвинул плечом снулого очкарика, про-

бороздил стаю молодняка. И попёр на кошку в чёрном, как танкер на лодку. Злость накатила, а вместе с ней что-то шипучее в крови. Азарт?

Я отставил в сторону, как тумбочку, подвернувшуюся под ноги полуголую блондинку. Та чуть не навернулась на лабутенах. Задел чьи-то сиськи. Протиснулся между двумя студентами и облокотился о барную стойку.

Юритмикс в клубной обработке шарахнул из динамиков по ушам:

“Some of them want to use you Some of them want to get used by you...”

«Да, – мысленно на автомате перевёл себе я: – Кто-то хочет тебя использовать. Кто-то хочет, чтоб использовал ты...» Я выругался про себя: вечно в точку!

Пульс бил по вискам и пытался протаранить запястья. Я сделал вид, что подзываю бармена. Дождался её взгляда. Физически ощутил хлынувшую от неё волну оторопи и развернулся с наглой усмешкой:

– О, надо же?! И снова здравствуй, Рита Мостер. Пришла побесить меня, да?

Глава 15

Рита

Журналисты меня за день вымотали. Они действительно с цепи сорвались. В Интернете как грибы после дождя, появлялись новости с моим именем.

Интервью в метро по мессенджеру? Пожалуйста!

Блиц-опрос в личке? О, да, конечно! Так удобно набирать ответы пальцем в метель...

– Что вы думаете об Иване Красницом? – по телефону под яичницу с помидорами на моей скромной кухне.

– Я о нём не думаю, – заявила я, размешивая лопаткой белки и желтки, не люблю глазунью. – Слышите, шкворчит? Так это не он.

Смешок в ответ.

– А если серьёзно, то... – и я продолжала рассказывать о самшите колхидском и перчить яйца от души.

Даже жаль, что вуду-яичницы не существует. Впрочем, меня уже не потряхивало. Повтори триста раз «горчица», и она станет пресной. Выветрится.

Погода раздухарилась, вечером вообще не хотелось нос из дома высовывать. Однако денег остался последний мешок, и «боевые» ботфорты, сшитые обувщиками отнюдь не для пурги в минус пятнадцать, подбадривали носами к выходу. Явно знак. Пришлось идти.

В глаза ударил яркий свет, я отвернулась от сумасшедшего освещения и улыбнулась организатору, лицо которого будто выплыло из ультрафиолетового луча и оказалось на редкость веснушчатым. В полутьме, расцвеченной бликами зеркальных шаров то тут, то там мелькали знакомые физиономии – здесь просто сходка блогеров!

Создатели игры решили шарахнуть модным мнением и актуальностью по всем фронтам?

Я покивала знакомым, удивилась, что тут делает Диппи До, которая занимается только книжными обзорами за дорого.

– Рита, отдохните немного, – проорал мне на ухо организатор, соревнуясь по громкости с музыкой. – Небольшие накладки. Скоро вон в том закутке, – видите, где постамент, – начнётся фотосессия. Фотограф профессионал, потом размещайте у себя в блоге, как договаривались. Сами тоже можете делать. Затем перерыв и конкурсы на сцене. Вам прислали условия и сценарий? Там всего несколько слов.

Я кивнула.

– Всё, решаем. А пока танцуйте, расслабляйтесь. Выпивка за счёт заведения. Достаточно показать бармену или официантке ваш браслет.

– Хорошо, спасибо!

Весёлые телефонные хулиганы-пранкеры Димон и Бэтмус помахали мне, приглашая присоединиться к их компании у самого танцпола. Но я так наговорилась за день, что хотелось помолчать и чего-нибудь спиртного. Я пробилась сквозь толпу у бара, сделав вывод, что метель истинной тусе не помеха, и заказала лёгонький коктейльчик на основе Мохито.

Несколько глотков, напряжение стало оседать, и замёрзшие коленки в тонких чулках оттаяли.

«Было бы забавно, – подумала я, – заявиться в ночной клуб в толстых шерстяных колготках и распарованных колочих носках под валенки. Зато как тепло, ммм...»

Я хмыкнула сама себе под нос и начала пританцовывать в такт ремиксу Энни Леннокс. Крутая песня, хоть и старая, мне нравится! Нет, действительно стоило расслабиться после сегодняшнего сумасшедшего дня, а под хорошую музыку я всегда становлюсь собой. И танцевать люблю. Куда бы деть бокал?

Внезапно я вновь почувствовала напряжение, но не своё, а извне, как радиацию, как брызг горячих волн у раскалённого прилива. Я обернулась и обмерла.

Красницкий?!

Сердце скакнуло. Увы, не обозналась. Этот мерзавец на самом деле стоял всего в полуметре от меня, но пока не видел. Я смогла рассмотреть его чертовски мужественный профиль. Чувствуя себя шпионкой, скользнула взглядом по недавнему оппоненту. Констатировала: нос длинноват, ниж-

няя часть лица, особенно подбородок, выступает вперёд и выдаёт того, кто дружит с «качалкой». Затылок уверенный, крепкий.

В голове пронеслось что-то о римских воинах и крестовосцах. Ах да, причёска соответствует! Коротко, лаконично, хоть сейчас в бой с маврами. Без пиджака его плечи выглядели шире, руки мощнее. Про людей часто говорят: он излучает харизму. Красницкий излучал силу и жар, обаянием и не пахло. Даже воздух задрожал сверху. Или это световой эффект... Я облизнула губы и опомнилась.

Чёрт, надо исчезать, пока не заметил!

Но мои ноги будто прилипли к полу, пальцы – к стакану с коктейлем, а глаза – к профилю.

Секунды стали вязкими.

Красницкий махнул рукой бармену и вдруг посмотрел на меня. Удивился лишь для того, чтобы одарить усмешкой хищника:

– О, Рита Мостер? Снова?! Ты что, явилась меня побесить?

У меня дух перехватило от возмущения. Он мне тыкает?! Девочку нашёл?!

– Это мне скоро придётся судебный запрет выписывать – против преследования, – жёстко парировала я. Показательно почесала нос и слегка его наморщила: – Аллергия уже началась. Разит миллиардами и грязной совестью. Но вокруг блогеров много, так что плохая мысль – досаждать мне тут.

Вблизи его глубоко посаженные глаза показались большими и очень тёмными. Взгляд потяжелел, мои бёдра тоже. Мурашки пробежали по рукам.

– Даже не думал начинать, – развернулся он и опёрся локтем о барную стойку, нарушая все понятия о личном пространстве.

Я отступила в сторону, начиная злиться. Клуб показался узким и душным. Долговязый, чубастый парень налетел на нас, попытался протиснуться между, чтобы дозваться бармена, но Красницкий буквально взял его за шиворот и отставил в сторону.

– Исчезни.

Парень моргнул и, быстро сориентировавшись, потерялся с горизонта. Мои губы пересохли, низ живота налился жаром. Красницкий улыбнулся, сверкнув глазами из-под бровей:

– Всё, что ты слышала обо мне – пустяки. Правда намного хуже.

– Правда о... ВАС, – подчеркнула я, намеренно выставляя границы, – меня интересует только в разделе «Хроники происшествий», что-нибудь типа Иван Красницкий попал под суд и серьёзно оштрафован. Как я и написала в своей петиции.

– У меня плохая память на критику. Чем тебя угостить?

Он смотрел на меня, как повелитель мира, снизошедший до доярки. Ладони зачесались врезать ему за один только

взгляд. И за слабость в собственных ногах.

– С негодяями не пью! – бросила я и пошла прочь, собирая в кулак остатки самообладания. Подальше от наглых глаз и мужского запаха к обычным разудалым пранкерам и паре политблогеров. Они, говорят, любят подраться – и я тоже сейчас не прочь.

В висках стучало: догонит – не догонит.

Не снизошёл. Гад!

* * *

– Как дела, ребята? – спросила я у пранкеров.

Обычно они к нам, блогершам, относятся так себе, но сегодня поприветствовали, как родную:

– Эй, Рита! Ты, говорят, взорвала новости?

– Почему бы и нет? Нашёлся неплохой инфоповод, – кивнула я, чувствуя спиной тяжёлый, бычий взгляд.

– Супер, Рита! Это новый этап, разгрома их всех! – выпятил нижнюю губу Димон, а более интеллигентный, похожий на ботаника с бабочкой Бэтмус так же интеллигентно показал жестом «всё окей».

Я улыбнулась, спросила, перекрикивая техно-хауз, какие у них новости. В ответ получила нечто невразумительное. Эти ребята не любят распространяться о себе и вообще довольно замкнутые, когда не хулиганят, звоня чиновникам из Госдепа США, с вопросом: «А что вы думаете насчёт нару-

шения демократии лидером террористов Чебурашкой? Ведь надо принимать меры...»

Я начала отвлекать себя от сумбура в теле и голове размышлениями о том, где пранкеры берут телефоны сенаторов США и откуда они так хорошо знают английский, но моё внимание постоянно утекало за спину. Мерещилось: обернись, и в метре стоит Красницкий, а мои ноги сзади освещает прожектор. От греха подальше я встала, спрятавшись за внушительного Димона, и всё-таки спросила про иностранный язык у Бэтмуса.

– Я учился в Штатах, – ответил он. – Недолго.

– Здорово, – улыбнулась я.

Видимо, получилось не очень, потому что Димон счёл нужным подтвердить:

– Он правда учился в Теннесси по обмену. У нашего Бэта вообще два высших образования, и тонна корочек под подушкой, не то, что у меня: три класса и кларнет за душой.

Врёт же! Ну и ладно.

Я предложила сфотографироваться, а потом начала орать под ремикс Эда Ширана вопросы про учёбу за океаном, которые меня ничуть не трогали. Но вид сделала заинтересованный, лишь бы пранкеры не заметили Красницкого, а тот не заметил меня. Хотелось скорее смыться из клуба, потому что волнение зашкаливало. Замешанное на Мохито, возмущении, раздражении и электричестве в животе, оно грозило не окончиться ничем хорошим. Я точно его ударю...

Считая биение собственного пульса в висках, я, как спасителя, увидела организатора, спешащего к нам.

* * *

Короткое объявление. Диджеи снова завели винил, и я оказалась на небольшом постаменте, позируя на фоне стенда с фирменными логотипами ночного клуба. Сама, с посетителями, с другими блогерами, с косплеерами от игры, явно актёрами. Тут же были и круто сделанные декорации Bustling Brawl, фанаты реальные и купленные. Веселье продолжалось.

Я улыбалась ярко накрашенными губами, становилась в наиболее выигрышные позы – уже давно изучила свои самые удачные. Во рту ужасно сохло. Когда принесли шампанское, я набросилась на бокал, как умирающий в пустыне. Выпила залпом и взяла второй. Голова закружилась ещё сильнее.

– Прекрасно! Супер! – радовался бородатый фотограф. – Приятно иметь дело с профессионалом.

Конечно, моделью я тоже работала, хоть и недолго, ещё на третьем курсе. Чуть выгнула спину, отставила ногу. Мотнула головой, чтобы взлетели волосы, поставила руку на бедро. Влезла на танк в декорации.

– Да-да, так! – бился фотограф в экстазе от того, что мне не нужно было ничего говорить, я сама знала, что делать, я даже в бессознательном состоянии, наверное, буду лежать в

выгодной для фото позы – это уже на уровне рефлексов. – Супер! Просто красавица!

А я отчего-то почувствовала себя голой.

Всмотрелась в толпу. Красницкого нигде не было видно, но мне казалось, что он совсем рядом. Оттого было жарко и невозможно поверить, что за стенами морозище.

Думать о Красницком не хочу! – решила я и снова принялась искать его в толпе взглядом. Не нашла. А ощущение, будто танцую стриптиз на шесте, осталось.

– Сколько эмоций! Сколько секса! – восторгался фотограф и просил подождать остальных.

Отснявшись по полной, я оставила фотографу свои контакты, чтобы в числе первых получить фото, и выдохнула. Соцсети любят всё свежее – подсохший хлеб, протухший сыр и позавчерашние фотографии не предлагать.

Я воспользовалась перерывом до конкурса и направилась к туалету. Мне очень нужно было увидеть себя в зеркало, потому что казалось, что у меня волосы стоят дыбом и с лицом что-то не то. Недаром мужчины так залипали взглядами и расступались.

Узкий тёмный коридор, лестница налево, ниша. Тупик. Кто придумал эти лабиринты? Я рассерженно стукнула кулаком по непонятно из чего наклепленному белому бордюру на стене.

И опять услышала насмешливый голос за спиной:

– Опять решила крушить закулисье?

Я обернулась, вскипая. Красницкий встал, заслонив собой узкий проход, и добавил вкрадчиво, почти ласково:

– Потерялась?

– Нет! – Я поджала губы, вспыхнув гневом: от того, что его вижу, от того, что он из себя представляет, от того, что внизу моего живота всё пульсирует и ноет, сжимается под его взглядом, а голова кружится от мужского запаха и ненависти.

Красницкий шагнул и навис надо мной, обжигая до дрожи близостью своего тела:

– А, по-моему, давно. Да, Рита? – улыбается, мерзавец, будто всё просчитал, подловил и знает наперёд то, что произойдёт сейчас.

Во мне всё взбунтовалось. Я поняла, что ему ничего не стоит сейчас прижать меня к стене одной рукой, а другой... Волна новой дрожи пронеслась по моему телу. Ну уж нет! Я не играю по твоим правилам! Я ни по чьим правилам не играю! Только по своим! И вообще я привыкла вышибать клин клином, лечить ангину мороженым и бронхит открытым окном.

Я выдохнула из себя жар и, притянув за затылок, поцеловала мерзавца. Со всей своей неистовой яростью.

Глава 16

Иван

Виски и возбуждение ударили мне в голову. Я забыл, что в клубе существуют другие женщины и вообще другие люди. Взгляд, как прицел снайпера, искал в толпе её, Риту. Плащ тёмных волос, алые губы, статную фигуру с намёком на платье, стройные ноги в вызывающих замшевых сапогах. Они, как чулки, облегли её щиколотки, лодыжки, колени, поднимались до бедра, оставляя соблазнительную полоску до края юбки.

Отчего-то мысль, что она лгунья и практически мошенница, так прекрасно вошедшая в роль, распалила меня ещё больше. Хотелось загнать её в ловушку, прижать к стене и... наказать. Всё тело пульсировало, но я выжидал. Я зацепился за неё взглядом, как одержимый. А она будто почувствовала и начала играть со мной: убежать, прятаться и снова вызывающе позировать, словно говоря: «Смотри, смотри, вот я какая!»

Чертовка!

Музыка, свет, спецэффекты, всё было ей на руку, словно специальные постановочные фишки в видеоклипе. Я распалился до предела и тоже вступил в игру. Как кот с мышью. Я следовал за ней, невидимый, и ловил её волнение. А она волновалась, боялась и напрашивалась! Каждый лжец боит-

сы разоблачения. Каждая женщина хочет разоблачения.

Наконец, Рита оставила своих фотографов, избавилась от придурашливых блогеров и пошла вглубь клуба. Я за ней. Она ошиблась: новички часто выбирают не ту лестницу и оказываются в укромном углу. Прекрасное бизнес-решение для удовлетворения потребностей клиентов!

Я поднялся за Ритой в приглушённую тьму и застал её врасплох. Удовольствие предвкушения разлилось по телу. Это вам не телевидение...

– Потерялась? – спросил я, имея в виду совсем не этот тёмный угол.

– Нет! – её глаза вспыхнули и забегали в поисках выхода.

Я полностью заслонил спиной лестницу и встал ближе. Скользнул взглядом по выступающей груди, щекотнул вырез платья на плечах, огладил высокую шею. Красивое ухо с длинной серёжкой. Импульс нарастал с единственным вектором. Я склонил голову, по привычке сложив губы в усмешку и чувствуя собственное превосходство.

И вдруг Рита подалась ко мне. Один рывок. Её ладонь на моём затылке. Опалило взглядом глаза в глаза. Вкус малины, нападение сладостью. Её губы смяли мои напористо, жадно, горячо. Э-э-э...

Я опешил. Пробел в голове, как прямая линия на энцефалограмме. Мысли умерли.

Но рефлексы оказались быстрее ума. Меня долбануло электричеством по телу, и я включился. Как в тумане, потя-

нулся к ней. Положил руки на талию, ощутил под ладонями мягкую ткань и упругое тело. И вдруг Рита с силой меня оттолкнула. Я чуть с лестницы не полетел. Удержался на инстинкте.

Новый ушат ледяной воды на макушку. Что она вытворяет?!

Со странной улыбкой Рита задела меня плечом и сбежала вниз по лестнице. Я за ней, закипая. Схватил за руку, развернул, впечатал в стену, чувствуя что меня сейчас разорвёт, если я не разорву её! В теле полыхал огонь, в мозгу хаос и пустота. Я впился в её губы. Она не закрыла глаза. Попыталась сопротивляться, взглянула снова, как будто сейчас ударит сзади по голове гранатой. Тычок в спину – это её кулак? Но я загорелся ещё сильнее. В голове просто ничего не осталось.

Будто из параллельной вселенной завизжала за спиной осипшая тётка:

– Охрана! Охрана!

Вспышка фотокамеры в глаза. Я на автомате закрыл лицо рукой, Рита выскользнула и рванула обратно в зал. Бесполоая фигура в джинсах – за ней. Я чуть было не кинулся за ними. Чудом притормозил. По телу пробежала волна остаточной дрожи.

Во мраке лабиринта больше никого не было. В самом конце промелькнула официантка в золотом платье, не заметив меня.

С трудом понимая, что происходит, я сжал кулаки и встал в тень очередной ниши. С каждым вдохом и выдохом мысли по одной оживали в голове и сигналили тревогу: «Ты идиот, Красницкий! Тебе ещё обвинения в насилии не хватало...»

Тяжёлое дыхание медленно приходило в норму, и наконец, я коротко выдохнул. Это аут, товарищи, полный аут. Несмотря на всё выпитое виски, я понял, что обвинения будут, сочные, красноречивые, с фото-доказательствами. Кажется, она меня подставила. Я повёлся, как последний кретин.

Глава 17

Иван

Я не пошёл за ней в зал. Никто не гарантировал, что меня не встретит куча свидетелей и вспышки десятков камер. Одной уже хватило. Я заметался, чувствуя подступающую тошноту и туман в голове. Проклятое виски!

Куда теперь? К кому? Звать охрану? И что сказать? Баб в джинсах с короткой причёской сейчас в клубе может быть около сотни – вон какое столпотворение! А Рита...

В голове помутилось от одного имени. И от гнева. Я вмазал кулаком по стене, слишком медленно остывая. В горле сдавило, словно кто-то нажал на кадык пальцем. Я закашлялся. Ничего не оставалось, как отойти подальше от «места преступления», к служебным помещениям и достать телефон.

Полночь? Плевать! Самое время обратиться Золушке в крысу. Точнее, она уже превратилась. Я ещё в детстве понял: сказки не логичны, а вот судмедэкспертиза докажет всё. Но будет поздно.

Я с ненавистью глянул в сторону гремящего музыкальнoго зала.

– Алло, Юрий Самвелович? – хрипло сказал я. – Извините, что звоню поздно.

– В чём дело, Иван? – сонно проговорил адвокат. – Надеюсь, просто соскучился?

– Карловы Вары. Думаю, всё повторилось.

– Вот чёрт!

– Да... – я сглотнул.

– Ты в полиции? Свидетелей много?

– Нет, я в самой тёмной заднице ночного клуба «Мохито».

Пока полиции нет. А компромат есть.

– Ясно.

– Прежде чем... ну, вы поняли, я решил вам позвонить, – чувствуя себя последним кретином, выдал я.

На самом деле я имел в виду, что хочу догнать эту стерву, вытрясти из неё душу и телефон со снимком. И проорать в глаза всё, что я о ней думаю!

Но адвокат рыкнул, словно прочитав мои мысли:

– Ничего не делай! Слышишь, Иван?! То есть вообще ничего. Просто езжай домой.

Я заколебался. Пнул какой-то ящик, издавший металлический лязг.

– Иван! – напомнил о себе адвокат.

– Ладно.

Вызвав такси, я вышел на мороз через служебный выход. Снег падал на лицо, сердце колотилось. Губы ещё горели от поцелуя. Казалось, они раскалёны докрасна, как калина. Покрываются инеем, вот-вот лопнет от перепада температур тонкая слизистая оболочка.

Я закрыл глаза и снова громко выдохнул. Ничего, у неё тоже горят! Я мог поклясться, что в последнее мгновение она

обмякла, расслабилась. И если б не вспышка, она бы забыла, что профессионалка, уж я-то знаю...

Хм, что теперь? Завтра Интернет разорвёт новостями?

Дебил, блин! Хотя... Рита выбрала очень подходящий момент! Лучший! Думаю, в типографии ещё не засохла краска на плакатах с моей сияющей рожей и ярким лозунгом «Я забочусь о вас, москвичи!». При мысли о Рите вопреки злости по груди прокатилась сладкая истома и закончилась ноющим чувством в паху.

А может вернуться? К черту адвоката, репутацию, вообще всё к чёрту?!

Подкатило такси, прямо под ноги. Ладно... Я сел, откинулся на спинку сиденья.

В Чехии пару лет назад меня обставили гораздо проще и паршивее. Милая белокурая горничная с лицом ангела и ножками супер-модели крутилась в номере, посылая сладкие улыбки и наклоняясь к мебели очень двусмысленно. Я улыбнулся в ответ, девушка действительно была красивой. Сделал комплимент. Она хихикнула, проворковала какую-то ерунду на ломаном английском.

А потом вдруг подошла, медленно расстёгивая пуговички форменного платья. Скинула его и фартук, осталась в одном белье. Я естественно завёлся. Горничная села ко мне на колени и начала стягивать футболку с искушающей улыбкой. Провела пальчиком по голому животу, заглядывая в спортивные штаны.

Я обнял её, как поступил бы на моём месте любой здоровый мужик. И тут чешка закричала, принялась отбиваться, не сползая с моего колена. В номер вбежали неизвестные парни, один с фотокамерой. Чешка рыдала, тыкая в меня пальцем. Упала на пол, когда отсняли достаточно.

Я растерялся и стал доказывать на всех доступных языках, что насилия не было. А она вопила с расширенными глазами так, что я чуть не оглох и сам был готов поверить, что я маньяк-оборотень. В номер набралось полно народа: другие горничные, администраторы, служащие. Они вызвали полицию, меня отвезли в участок.

Пока Юрий Самвелович приехал, я провёл несколько незабываемых часов в чешской кутузке. К показаниям горничной быстро присоединили ещё пачку обвинений от персонала гостиницы, что я вёл себя, как последняя скотина. Я поверить не мог, что это со мной происходит!

Потом меня, конечно, отпустили под залог. И Юрий Самвелович Хлоян, умница, нашёл доказательства, что эта чешка – честная труженица эскорт-услуг, была принята на работу горничной в отель «Булов Гранд» лишь за неделю до моего приезда в Карловы Вары.

Меня прилично потаскали по допросам, испортили отдых, нервы, но всё-таки обвинения сняли. Окончательно только после того, как с внешней камеры видеонаблюдения, в объектив которой чудом попал угол моего номера, было запечатлено, как горничная сама раздевается с улыбкой. Тоже

вопрос, какого чёрта номер попадал в объектив, но это меня уже не касалось. Отель принёс официальные извинения. Я отсудил у них компенсацию.

Только от этого мне уже было ни холодно, ни жарко: фотографии компромата распространились по сети со скоростью чумы в средневековом городе. Быстрее, чем мемы с упортым лисом. Заголовки один красочней другого пестрили в новостях.

В тендере на государственный заказ по серьёзным спортивным объектам мою компанию прокатили. Его с лёгкостью выиграл мой главный конкурент – Картанян, потому что нас выпнули из списка претендентов, словно гостиницы для иностранных спортсменов имели право стоять только официально признанные святые с нимбом установленных габаритов.

Все эти неприятности в итоге стоили мне кучи денег, а главное, надо было что-то говорить дрожащей от переживаний маме, спрашивающей меня в слезах: «Сына, это правда? Тебе что, доступных девушек мало? У тебя же никогда в них не было недостатка... Как же так, сына? Как же так?! Мне Нина Константиновна сказала... И по телевизору. И Парфёнова с работы. Позор какой! Ваня!!!»

Хотелось пошутить, но на этот раз пришлось сдержаться. Призвал на помощь все своё терпение, ласку и зализывающих насмерть из любви собачек. Совал ей в их руки, они старались. Но на этот раз без скорой и давления за двести

не обошлось. Причём неоднократно в течение недели. Господи, лучше б она трупы разделявала дальше, чем телевизор смотреть! Меньше драмы.

С тех пор я и мечтаю отцензурировать весь Интернет так, чтобы никакая грязь туда не лилась. А то устроили из мировой сети помойку!

* * *

Дома я содрал с себя одежду и влез под душ. Не помогло – виски и Рита начисто отшибли мозг. Набросил полотенце на плечи и пошёл голый в спальню. Рухнул на кровать и уставился в потолок. Едва закрыл глаза, снова она представилась.

«Красивая, – с горьким отвращением подумал я. – Все красивые – стервы!»

В панорамные окна светилась огнями Москва, бился в стекло снег, подлец. Выл ветер, собака. Я скривился: завтра начнётся дежа-вю с заголовками. Не хочу! Зачем я уехал? Надо было оттянуться по полной, раз всё равно сыр-бор неизбежен... А тело у неё, и губы... что надо!

– Аудио включить, – хрипло рявкнул я «Умной системе».

В ответ раздался мелодичный перезвон.

– «Металлика» – микс из всех альбомов нон-стоп! Громкость на максимум! – скомандовал я.

Стены содрогнулись от забойных ритмов.

Хорошо. Успокаивают.

Я выдохнул и взбил подушку рукой. Ничего, и покрупнее меня рыба попадает на крючки этих баб! Сенаторы, президенты... Вспомнился американский лидер с той смехотворной дурой, сохранившей на память платье со следами президентской любви. Интересно, она его в банке законсервировала, как огурцы? Чтоб не прокисло. Очень может быть! Я как-то по детству у мамы на работе в банке и не такое видел.

И кто-то ещё говорит, что мужчины циничны? Козлы, сволочи, уроды? Ха! А хоть бы и так! Зато меня можно ставить в один ряд с президентами. Я зло хмыкнул и завернулся в одеяло.

* * *

Утром вскочил и первым делом подумал о Рите. Я оскандился сам себе в отражение плазмы. На трезвую голову паранойи как не бывало. Наоборот, Рита Мостер вызывала у меня восторг!

Шикарная стерва! Восхитительная! Провела меня, как пачана! Очень красиво, но глупо! Со мной такие шутки не пройдут! Я ей тоже преподам урок – такой, что на всю жизнь запомнит, потом будет гореть... кое-где.

Я натянул штаны и взял в руки смартфон.

Ну-с, поиграем, Рита Монстр? И что там, в твоём блоге?

Глава 18

Рита

Я перевела дух. Не очень понимая, что вообще происходит, провела пальцем по губам. Они пылали. В голове пульсировала одна мысль. Я по привычке набросала её в «Блокнот» смартфона:

«Самая парадоксальная часть тела – губы. Они нежные, такие нежные! Даже у тех, кто до этого казался высеченным из камня. Но только губы способны спокойно касаться кипятка и не вздуться пузырями ожога...»

Ожог... Кажется, я только что обожглась... Вся...

До меня долетел грохот техно, и Halsey, поющая в обработке: «Tell me, how it feels sitting up there? Feeling so high...» – «Скажи, каково это, сидеть там, наверху, и чувствовать такой кайф...» Я точно была под кайфом – никак не собрать себя в кучу.

– Рита, конкурс начнётся через пять минут, – сказал кто-то справа.

Я на автомате кивнула. Меня дёрнули за рукав.

– Ритуль!

Ясик? Да, он – в тумане сознания вырисовались немного раскосые карие глаза, круглый небольшой нос, корейская стрижка с закрытыми ушами и чёлкой, падающей слева на узкое лицо. Очень женственный невысокий юноша – таких

мало. Ясик поправил воротник голубого джинсового костюма, глядя на меня с исключительным состраданием.

– Крошка, Солнышко, ты в порядке? Я как увидел, что этот подонок на тебя напал, чуть с ума не сошёл! Хотелось врезать, но он же такой бык! Огромный просто! Я сделал всё что мог! Прости, детка...

Я моргнула, облизнула ноющие, горящие губы.

– А ты... сфотографировал нас?!

– Да нет! – развёл руками Ясик, делая большие глаза. – Зачем?! Я просто фонарём из мобильника ему в глаза. Сработало же! Я так уже делал, у меня это на автомате. От резкого света все теряются.

– А-а...

– Ритуль, у меня слов нет! Какой подонок! Какой подонок...

– ...горячий, – хрипло добавила я, постепенно возвращая зрению фокус, а мозгу способность мыслить, а не только плавать в мыльных пузырях. Я сглотнула: – Но ты правильно сделал, потому что... Я бы наверное там и... ведь, как он... Ни с кем... Он просто... вообще...

– Да ты что?! – ещё сильнее расширил глаза Ясик. – Очуметь! Блин, хорошо, что ты меня с собой взяла!

– Я всегда тебя с собой беру, – пробормотала я прописную истину. – Кто ещё меня будет фотографировать?

Ясик расплылся в улыбке:

– Да, на одном селфи далеко не уедешь. Прости, детка,

что я задержался у бабушки. Она так капризничала сегодня, ужас просто! Вообще загоняет и хочет, чтоб я у неё жил, на силу вырвался.

– Ну, ты и не обещал сегодня приехать, – ответила я. – Тем более что тут профессиональный фотограф прекрасно справляется.

– Я тоже профессиональный, – обиженно поджал губы Ясик.

– Несомненно! Ты моё всё! – громко заверила я друга, понимая, что если бы не он, встреча с Красницким в том закутке могла закончиться чем угодно.

Я себя не контролировала! Красницкий налетел, как ураган, и мой здравый смысл засосало вместе с поцелуем в вакуум. Мы и сами очутились словно в вакууме: на несколько мгновений показалось, что существует только он, я и стена за моей спиной. Но какие это были секунды! Безбашенные, безобразно офигенные! У меня опять в теле погорячело.

Господи, я мартовская кошка! Ужас какой! Я прикрыла веки, чувствуя как никогда раскалённые контуры собственного тела, и особенно те участки, к которым Красницкий только что прикасался. Я вспомнила его тёмно-серые глаза. Там не океаны, не космос, в них бездна и чёрная дыра.

Иван... Аркадьевич... О нет! Убереги, Боже, влюбиться в такого!

Он же использует и растопчет, даже не заметив, что уничтожил. Как тот древний лес на побережье. Нет, я на самом

деле его ненавижу! И собственные гормоны тоже. И шампанское! Я совсем с ума сошла!

– Просто чудо, что я тебя увидел, Ритуль, и пошёл за тобой! – тараторил возбуждённо Ясик. – А если б вас сфотал кто-нибудь из местных акул?! Тут же у всех камера наготове! Я, кстати, столкнулся лицом к лицу с Алькой Барракудой, которая на скандалах специализируется. Она мне навстречу шла. Представь, если б она на вас наткнулась, а? У Барракуды же с Лайфом контракт, и на том дурацком канале, где тебя опустили, она тоже частый гость – обгадить кого-то, самый её хлеб!

Я вообразила заголовки типа «Защитница леса целуется с тем, кто его уничтожил!» и содрогнулась. Слова друга подействовали лучше, чем ледяной душ на пьяного.

– Спасибо, Ясик! – сказала я, уже совершенно вменяемая. – Ты настоящий друг!

– Я, как ты, – вздохнул Ясик.

– погоди, – напряглась я. – А Барракуда шла навстречу тебе из того же коридора?

– Ну да, оттуда вышла. А что? Там же указатель на туалеты.

Холодок прокатился по моей спине, и я резюмировала:

– Трындец!

– Ты думаешь, что она тоже видела?! – ахнул Ясик.

– Думать уже поздно, – сказала я. – Остаётся только молиться, что она нашла правильный поворот к дамской ком-

нате. Или мне придётся ставить крест на репутации и прятаться в лесах.

– Да нет, – нахмурился Ясик и покачал головой. – Не сгущай краски! Все же знают, что ты настоящая, за то и любят. И потом, что бы там ни было, подумаешь! Чёрный пиар тоже бывает на пользу.

– Не такой! – бросила я и ответила кивком подзывающему меня пальцем организатору в веснушках. – Уже иду.

Музыку выключили, я услышала в динамиках своё имя. Работа есть работа, даже в самых экстремальных условиях!

Стало не по себе от мысли, что Красницкий стоит в толпе и смотрит на меня. Но я встряхнула волосами, надела улыбку и взбежала по ступенькам к ведущему на сцену. Правда, показалось, что на край пропасти...

Глава 19

Рита

Утро добрым не бывает. Моё утро, хоть и прикрывалось надписью «суббота» на календаре, было сварливым и вредным, как нелюбимая свекровь. Небо нахлобучило шапку туч над Москвой по самые крыши, словно по брови покрытого инеем Некрасовского мужичка – того самого, что из лесу вышел. Я вспомнила, что было вчера, и захотелось в лес сразу пойти, заснеженный, непроходимый и не высовываться подольше.

Алкогольные пары развеялись, адреналиновая эйфория растворилась во вчерашней ночи, остались только признаки отравления. Не вставая с постели, я открыла ленту новостей в медиа-метрике.

Да, о Красницком было много. Но только того, что я вчера наговорила в интервью: я – за лес, он – сволочь; экология страдает.

В соцсетях красовалась моя вчерашняя фотка на танке с декораций игры, она набрала всего двести лайков и тринадцать комментариев, из них только три пошлые. Спят ещё. Даже мой персональный хейтер. Хотя судя по его интуиции, он скоро проснётся и начнёт со вкусом атаковать, потому что мне было нестерпимо паршиво.

Я покривилась от головной боли и опустила ноги на пол.

Подобрала тапочки в разных углах спальни и поплелась на кухню. Отравиться б и забыться, да не поможет – я сама была одна сплошная токсичность.

Мысль о Красницком вызывала тошноту. Как я могла так низко пасть?! Разве у меня есть кнопка «Жизненные ценности выкл.»?

Оказывается, есть! Об этом свидетельствовали мои красные, бесстыже припухшие губы в зеркале. И в животе снова что-то ёкнуло.

Я зажмурилась, встряхнула головой и принялась отпиваться водой. Один стакан, второй, третий. Хоть что-то полезное...

Человек вообще должен выпивать в день два с половиной литра воды, а, как выяснилось, почти никто столько не пьёт. Я опрос делала в блоге. Да и сама тоже проводила эксперимент – два с половиной литра помещаются в меня без желания булькать, как Водяной в мультфильме, только если я больше ничего не пью: ни чай, ни кофе, ни сок... Выходит, что мы априори предрасположены к иссыханию, выгоранию к старости, потому что ежедневно не доливаем в себя жизненно важную жидкость. А попробуйте, к примеру, не долить масло в мотор автомобиля, хорошо будет работать?

Я ополоснула лицо ледяной водой. Пофыркала, как морж, и вспомнила ещё одну деталь о ночных событиях. Вчера я подошла к Барракуде и попыталась её расколоть. Но та по привычке ехидно скалилась, показывая острые зубки, гово-

рила гадости об организаторах, создателях игры и окружающих, спрашивала про мои успехи, но так и не призналась, видела она нас с Красницким или нет. Прямо спросить я её не могла, это было бы политической ошибкой.

То что Алька по кличке Барракуда компромат до утра не разместила ничего ровным счётом не значило. Надежды на спокойное будущее оставалось лишь процентов десять. Она могла не договориться о цене с новостниками или выжидать момент. Какой? Тоже неизвестно. Я знаю одно: она – гений хайпа, у Барракуды чутьё, когда выложить скандальные новости, чтобы ударить побольнее. Желательно под дых. Или под колени того, кто взлетел на гребень волны. И заработать на этом.

* * *

Я на автомате ткнула на ссылку в медиа-метрике с моим интервью про самшит и, забыв про текст, уставилась на фотографию Красницкого. Отчего-то он показался мне гораздо привлекательнее, чем вчера утром. Может, фотография удачная? Нет, ничего в нём хорошего: самоуверенный, богатый гад.

В голове заломило, будто холод рассудочности столкнулся с горячей волной, которая поднималась по ногам, и с шипящими брызгами разлетелся по черепу. Я потёрла пальцами виски. Нельзя думать хорошо о человеке беспринципном

и мерзком! Все поступки говорят о том, что он такой. Одна встреча на телевидении чего стоит!

А то, что он даже слушать не стал ребят-экологов, не пустил их к себе, разве не характеризует его?! Охрана их выдворила очень грубо и в Сочи, и в Москве из его приёмной.

А с каким пренебрежением он со мной разговаривал! А все эти слухи, включая некрасивый случай в Карловых Варах. Я же читала, когда пыталась понять, с кем буду иметь дело. Уверена, Краницкий заплатил, чтобы замять дело. По его глазам видно, что он всё решает деньгами и ради денег.

А вчера... да, конечно, вчера...

Оторваться от фотографии Ивана Красницкого никак не получалось. Я так залипла, что не услышала, что стучит с балкона Ясик. Спрятав смартфон с Красницким на экране под кухонное полотенце и испытывая при этом отчаянный стыд, я бросилась открывать.

– Привет, Ритуля! – друг ввалился со снежным паром и стуком тапочек по линолеуму.

Кажется, Ясик порядком замёрз – нос выглядел, как багровая пуговица от пальто на белой голове снеговика.

У нас привычка – ходить друг к другу по балкону, избегая внимания пронырливой Зои Фёдоровны – соседки напротив, у которой любимое место в квартире – у дверного глазка.

– Привет! Прости, Ясь, я тут новости читала... – Я засуетилась, метнулась к чайнику. – Кофейку?

– Ага, давай. Я пришёл сказать, что прошерстил всю сеть:

ничего про тебя с этим застройщиком нет.

– Слава Богу!

Ясик присел на табуретку, поджал под себя ноги и нахотлился, похожий на корейского воробушка в своей серой толстовке.

– Так ты теперь не будешь, Солнце, делать то, что задумала с дроном? – спросил он.

Я резко обернулась.

– Почему это?

– Ну... мало ли, ты вчера сказала, что тебе понравилось... с ним. А это ж против...

– Нет, не понравилось! – слишком громко ответила я и поняла, что вру.

Но правду я даже себе не могу сказать. Это вообще было наваждение, побочное явление спиртного, неожиданности и журналистского внимания.

От моего вскрика Ясик выпрямился, и я произнесла мягче:

– Это просто шампанское, Ясь, ты же меня знаешь. Нельзя влюбиться в подлеца! Нельзя влюбиться в убийцу, в сквалыгу, у которого на первом месте деньги!

Ясик осторожно пожал плечами.

– На самом деле можно. Любовь зла.

– А ненависть добра? Ты это хочешь сказать?

– Просто у тебя вчера так глаза блестели...

– Я же говорю – шампанское, – поспешно отрезала я и

как можно небрежнее улыбнулась, засовывая мобильный поглубже в карман халата. – Между мной и Красницким никогда, слышишь, НИ-КОГ-ДА ничего быть не может!

– Ну и хорошо, – кажется, улыбка друга была данью вежливости. – Тогда какие у тебя на сегодня планы?

И я поняла, что мне важно сейчас одно – то, что задумала. Как хорошо, что друг пришёл и спросил, и сразу стало всё по своим местам. Умиравшему самшиту всё равно, с кем я целовалась. Лес хочет жить, а до него нет никому дела, даже в министерстве природоохраны. А мне есть. Поэтому чувствуя нарастающую уверенность, я ответила:

– «Делай, что должен, и будь что будет¹⁰». Я беру дрон и еду в Сочи. Сниму нормальный фильм о том, что произошло с самшитом. Пусть все увидят воочию «до» и «после». Возможно, уже и спасти-то нечего, но если есть... А потом для сравнения сниму хоромы Красницкого. Говорят, у него ещё дом с парком в Барвихе и эти «Цветы Поднебесья». И про министров, которым чихать на экологию тоже сниму. И про то, как ребята-экологи били тревогу и ничего не добились. Это будет очень жёсткий репортаж. Я просто обязана, понимаешь?

– Думаешь, фото недостаточно?

– В нынешней реальности фотографии уходят на второй план, на первом теперь видео. А с панорамной съёмкой вообще должно круто получиться. Выложу потом у себя, Юту-

¹⁰ Марк Аврелий

берам предложу, и, может, даже в президентскую приёмную отправлю. Пока я на волне популярности, может зайти очень неплохо.

– Сама справишься?

– Я же самостоятельная девочка, – рассмеялась я и налила другу кофе в его любимую белую чашку, на которой две кошки переплетали хвосты.

По дому разнёсся запах бодрости и арабских сказок. Мы ещё поболтали немного с Ясиком, и стало полегче. Всё-таки повезло мне с другом!

* * *

Погода была нелётной, но метель мне не помеха. Я собралась и, как в старые добрые времена поехала на железнодорожный вокзал. На выходе из подъезда прямо перед такси разрезвонился телефон.

– Алло, узнала? – послышался преувеличенный задор в мужском голосе.

Сердце ухнуло – Красницкий?!

– Нет, – ответила я как ни в чём не бывало.

– Жаль. Это Яша, Яндекс.

За эти пару дней столько всего произошло, что я забыла, как зла на всё телевидение и на этого наглого рыжего, поэтому просто сказала, садясь на заднее сиденье серебристого Фольксвагена:

– Ах, Яндекс? А не пошёл бы ты к Гуглу!

– Всё-таки обиделась... – замялся он. – Ну я же говорил, что я не при чём! Я не монтировал ту передачу, доказать могу. Давай увидимся?

– Расслабься, Яндекс. Мне всё равно некогда тебя нарезать, как сервелат, потому что я уезжаю. Пока! – ответила я и подтвердила по привычке заказ таксисту: – На Казанский вокзал, пожалуйста.

И отбила звонок. У меня есть дело, оно точно не касается рыжих. Я прилипла к окну. Снег кружил, заворачивался в вихревые воронки, как и мои мысли. Опять о вчерашнем. Когда же это прекратится?!

Вспомнилось любимое стихотворение Роберта Фроста «Огонь и лёд», которое я впервые услышала в «Сумерках». В переводе оно не произвело впечатления, а вот потом, в оригинале заморозило идеей, и я перевела его сама:

Some say the world will end in fire, Одни считают, что погибнет мир в огне,
Some say in ice. Другие льдами грезят напугать.
From what I've tasted of desire Но что желания творят во мне!
I hold with those who favor fire. Я с теми, кто пророчит об огне.
But if it had to perish twice, А если миру дважды погибать
I think I know enough of hate Я с ненавистью так знаком,
To say that for destruction ice Что о ледовой гибели сказать
Is also great Могу легко... And would suffice. И миру умирать.

Как это сейчас было обо мне! Будто я и есть тот мир.

Но я хочу жить, я чертовски жизнелюбивая! А что если лёд, который грозит гибелью, встретится с огнём, стремящимся уничтожить? В результате получится просто много воды. А она нужна человеку для жизни, каждый день – два с половиной литра. И ещё получится море! К нему-то я и еду...

Я открыла свой аккаунт и набрала:

#жизнелюбие – это дар, но им можно заразиться...

Глава 20

Иван

«Шикарррная стерва Рррита», – гитарными рипами с блюзовыми нотками звучало в моей голове. Я шёл широким шагом по коридору собственного здания и улыбался. Все здоровались со мной с любезно ненавидящими взглядами. Суббота как суббота – лучшее время для работы в офисе! Особенно, когда в трёх проектах подряд запарка.

Сотрудники предусмотрительно шарахались при виде меня от кофе-машин и изображали занятость. Шепотки зависали в воздухе. Становилось тихо и прозрачно.

Архитекторы пачкали ковролин колёсами инвалидных колясок и даже не изображали любовь. Пусть ненавидят – в ненависти всё предельно откровенно, никакой фальши, никакой патоки. На хлеб не намажешь, зато нигде не слипнется.

Уверен, ещё неделька, и наша компания действительно станет самой *handicapped people friendly*¹¹ не только в рекламном буклете. Я на втором курсе университета ногу сломал, и теперь гораздо лучше понимаю колясочников и хромых. В Монако мне понравилось, как обустроено всё для людей с проблемами передвижения: лифты в скале, особые эскалаторы и съезды. Я аналогичное постарался в Сочи орга-

¹¹ Дружественной к людям с ограниченными возможностями (англ.)

низовать – на выделенном мне для реконструкции участке.

Ох, и поборолся я за этот объект! Картанян снова под ногами путался, но я его обошёл. Такой откат пришлось впарить чиновникам за выигрыш в тендере, что даже у офшорных банкиров чубчик бы зашевелился! Но я не поспешил: раз уж с Олимпийскими объектами я пролетел, то на реконструкции советского партийного санатория и его окрестностей возьму реванш. Реально хотелось сделать что-то достойное. Как раз против этого проекта Рита Монстр и развела свою бурную деятельность псевдоборца за лжеэкологию.

А мне смешно! Я-то знаю, что никаких лесов мы не вырубали. Наш проект вообще не соприкасался с самшитовым ущельем. Поэтому даже учитывая дебилов, то есть человеческий фактор, моя «Герос Групп» уничтожить весь самшит побережья не могла. И если кто-то что-то рубил, мы к этому не имеем никакого отношения, а это значит...

Я снова усмехнулся, смакуя свой коварный план и представляя горящую прекрасную задницу Риты Монстр. Приятная гадость приносит радость. Мысли о ней тоже.

Странно, вроде бы надо было злиться, звонить снова адвокату или безопасникам по поводу вчерашнего фото, а мне не хотелось. В соцсетях засветилась только «Рррита на танке», очень эротичная и совершенно бессовестная... И у меня было потрясающее настроение.

– Здравсьте, Иван Аркадьевич, – пропела Регина в приёмной, единственная, кто всегда был так же бодр, как и я.

Всё потому, что она тоже живёт одна и тоже счастливо. Кстати, в шикарной квартире, которую я продал ей от компании в рассрочку, обеспечив такими годовыми бонусами, что моя «боевая лошадка» ещё и одевается так, как мне нравится. С лоском, элегантно, и каблуками по офису цок-цок... – Кофе сегодня с ромом?

– Без, – весело ответил я. – Закажи от меня вкусняшек этим лоботрясам из проектного отдела. А, и всем, кто сегодня трудится.

– Сладких?

– Всяких. И пиццу.

– А вам?

– Мне только кофе.

Регина поправила чёлку и, кивнув, склонилась над столом. Дюймовочка, увеличенная до размеров кавалерийской лошади. Всё на месте: улыбка, грудь, волосы, попа, ноги. Всегда в коротком. Хватило одного замечания, чтобы она больше не заявлялась в офис в виде взмыленной домоправительницы.

Я считаю, что секретарь должна ласкать взгляд, а не только соображать быстро, знать языки, делопроизводство и кто

с кем спит. Идиоты те, кто не ценят секретарей. Ещё большие идиоты те, кто трахается с ними. Уничтожают свой тыл. У женщин, которые о тебе заботятся, но которым официально ничего не светит, развивается партнёрско-материнский инстинкт, и они не предадут. Проверено. А бонусы я плачу Регине за умение молчать. Этот скилл¹² покруче умения быстро печатать.

Она оповестила, как обычно с блокнотом в руках:

– Иван Аркадьевич, документы на подпись в красной папке, срочные в синей. Звонили из типографии, привезут постеры для предвыборной кампании. В одиннадцать у вас обсуждение бюджета по маркетингу. В два часа обед с Савёловым из Мосгордумы. Бобров звонил, но не передал ничего. И ещё вас спрашивала ведущая с телевидения, Катерина Белинская.

– Белинскую в сад, про Савёлова ещё раз напомнишь. Постеры покажешь. Маркетологов, – я глянул на часы, – на ковёр без опозданий.

– Вам звонил ваш друг Дамир, – сказала Регина.

– Давно?

– Час назад.

– Почему не перевела?

– Вы были вне доступа.

Точно, я ещё спал.

– Набрать?

¹² От англ. Skill – умение, навык

– Нет, я сам.

Я сел в кресло, крутанулся, взял телефон, чтобы набрать Дамира, и опять меня странным образом занесло в её блог. Я смотрел в синие глаза лгуны и не обращал внимания на треньканья выделенного телефона.

А кто-то робко названивал мне: ждал три гудка и сбрасывал, словно стеснительная муха, слетевшая с навоза и кружащая над шашлыком – и пахнет хорошо, и мухобойка где-то рядом. На четвёртую попытку «не дозвониться» я снял трубку.

– Да?

– Иван Аркадьевич, – послышался голос Боброва. – Вы заняты?

– Слушаю тебя.

– Но, может, лучше позже перезвонить?

Хм, мир перевернулся? Или Рита Монстр ушла дальше соцсетей?

– Говори уже!

Выдох обречённого на казнь.

– Иван Аркадьевич, вы новости читали сегодня?

– Только биржевые.

– Откройте хотя бы Яндекс. Забейте свое имя в поисковую строку новостей.

Я ткнул на кнопку браузера, быстро пробежал пальцами по клавиатуре.

– И что там?... Чёрт! Уже увидел...

На экран перед моими глазами высыпалось несколько десятков новостей в стиле: «Блогерша против миллиардера: в воздухе пахнет кровью», «Глава строительной корпорации уничтожил лес», «Планета стонет от таких, как Иван Красницкий: древний самшит исчез с лица земли».

– Сто новостных агентств написали о вас, – пробормотал Бобров.

Вошла Регина с постерами в руках:

– Иван Аркадьевич, агитационные плакаты принесли. Куда их?

– Туалет обклеить, – рявкнул я. – Тимур, организуй грамотное опровержение, задействуй всех: пресс-отдел, юристов, всех!

Регина быстро выскользнула из кабинета. У меня застучало в висках.

– Мне надоели шуточки этой... блогерши! Пора ставить её на место! Мы ничего не вырубали!

– Иван Аркадьевич, – сглотнув, сказал Бобров. – Там не о вырубке. Вы почитайте хотя бы одну из статей. Наиболее полная информация на РИАРус.

– Прочитаю! А ты тащи свой зад в офис! Ты где вообще?!

– На телевидении. Жду аудиенции с главным продюсером, как вы велели.

– Отбой! Пока не разберёмся с этим дерьмом, нам там делать нечего!

Я положил трубку и, развернув статью на РИАРус, пробе-

жал глазами по строчкам:

«Самшит колхидский – это вид, относящийся к реликтовым, занесённый в Красную книгу России, Абхазии, Грузии, он уникален и отличается от других, более осовремененных видов самшита, а потому требует особой охраны...»

Бла-бла-бла...

«Строительная корпорация «Герос Групп», владельцем которой является Иван Красницкий, занималась реконструкцией санатория и прилегающих участков. В процессе озеленения корпорацией были ввезены необработанные импортные саженцы, заражённые самшитовой огнёвкой».

Что за чёрт? – я расширил глаза.

«Бабочка-паразит, относящаяся к восточноазиатскому виду, не имеет природных врагов, и поэтому начала быстро размножаться в благоприятных условиях. Никакие меры по уничтожению паразита представителями корпорации приняты не были, несмотря на обращение местных экологов...»

У меня зачесалось под коленкой.

«В результате преступного бездействия бесценный памятник природы «Самшитовая роща», расположенная там-то... чудом сохранившийся пример древних колхидских лесов, практически исчез с лица земли».

Я сглотнул и на автомате скатал бумажку в шарик.

«Ко всем обращениям волонтеров и представителей экологических организаций Иван Красницкий и другие руководители подразделений корпорации «Герос Групп» остались

глухи... Чиновники ответственных ведомств тоже предпочли бездействие...»

Зазвонил телефон, я отбил звонок.

«Я не уверена, что Самшитовую рощу можно спасти... Но не стоит забывать, что сегодня также велика опасность распространения «восточноазиатской чумы» на ещё уцелевшие участки и лесные фонды Сочинского национального парка и Кавказского биосферного заповедника».

Я вытер пот со лба и замер, как соляной столб.

Что же получается? Что она не лгунья? И кто в таком случае я?

И снова зазвонил телефон. Адвокат.

Глава 21

Иван

Маркетологи собрались за круглым столом со своими презентациями, зашелестели листками, притихли. Инна Бердкович начала со вступления про новый подход, свежие тенденции в визуальной рекламе, в видео и интернет-фишках в следующем году, из которых истекали миллионные затраты.

Я слушал одной своей половиной и смотрел на слайды и подчинённых безмолвно, будто губы склеились. Адвокат сказал, что мы могли бы подать на неё в суд за клевету, но факт клеветы ещё стоило доказать. Не факт, что удастся. Внутри свербило, как если бы меня с размаху с байка долбануло об асфальт и содрало кожу на груди. Самолюбие жгло? Или это была совесть? Хм, по мнению Риты Мостер, такого атавизма, как совесть у меня нет! Может, и нет. Какой в ней смысл? Я не герой Толстого. Но всё-таки жгло...

В голове между цифрами и маркетинговым бла-бла-бла обрывками болтались мысли, куски из фильмов и строки из песен старого-престарого альбома рок-группы «Алиса». То, что он вспомнился мне, было аномально, но постсоветская готика и «заупокой» песен Константина Кинчева очень соответствовали настроению.

По всему телу разливался холод. Не каждый день узнаёшь, что стал одним из тех, из-за кого целый лес накрылся. Не

важно, колхидский он, древний, или берёзки с рябинками... Лес!

Было тут недавно громкое дело о Химкинском...

Но у меня юристы попроторнее, и впарить мне лишнее не удастся, в моём случае только халатность. Хм, а за халатность сажают. Снова холодок пробежал по спине.

В презентации понеслось видео с рекламой в «Цветах Поднебесья», а меня разобрала досада: я же хотел, как лучше!

Отчётливо помню, что сам дал распоряжение Зульфие Закировне из поставок не скупиться на саженцы и привезти из Италии самый смак, чтобы получилось, как в Монако. Даже лучше, идеальнее, потому что без «парле-ву-франсе». Дело застопорилось на таможне, ввозимым растениям грозил карантин и прочая ерунда, а у нас горели сроки. Дали кому надо «на лапу», решили вопрос обходным путём. Ну и что тут такого? Без взяток вообще бизнес не выстроить.

Я выпил воды, потому что внутри опять стало едко, противно, как от патоки. Наверное, от улыбок старшей по маркетингу, готовой зализать меня за бюджет, как мамин пудель. Вот чего она улыбается? Всё равно половину запрошенного срежу.

Я ещё глотнул воды из стакана. И вдруг вспомнилось, как с Дамиром и ребятами из «Грязного Джо» курсе на третьем мы шатались по той самой Самшитовой роще, в водопаде

купались. Мы даже забурились на самый верх, куда не вела туристическая тропа и, как дураки, счастливые, орали со скалы. Пахло там по-особенному, как только на море и пахнет, точнее, на нашем море. И было всё по настоящему, без фальши и патоки. Пацаны под гитары пели:

*«Нас поднимали вовсю сонетом, мы же стремились вниз,
Их имена героических песен, наших тарелок слизь...¹³»*

В груди снова сжалось что-то и ёкнуло. Настоящего в мире больше нет. И герои вымерли. Всем что-то надо.

Инна Бердкович бодро перескакивала со слайда на слайд – там раскладывались весёленькие диаграммы в виде пирогов, топорщились цветастые графики, выползала анимация, сумасшедшее 3Д. А у меня в голове параллельно пел Кинчев про театр теней и царапались мысли.

Итак, Рита Мостер – революционерка, борец. А я хреновый буржуин, жадная морда в рябчиках и ананасах? Так она меня видит? Да какое мне по сути, дело?

«Она называла тебя негодяем...» – Напомнил Кинчев. Голосом шакала Табаки ехидно пропищало в довесок: – «А ещё червяком, она называла тебя земляным червяком!!¹⁴»

¹³ Песня «Шестой лесничий», одноименный альбом, рок-группа «Алиса»

¹⁴ Из мультфильма «Маугли»

Снова внутри стало неприятно.

Инна Бердкович остановилась на последнем слайде и посмотрела на меня выжидающе.

А я продолжал молчать.

Оставалось только сказать подчинённым, заглядывающим мне в глаза и пытающимся разгадать, к чему ведёт это молчание: «Слышите меня, бандерлоги?» чтобы в ответ раздалось: «Мы слышим тебя, Каа...»

Блин!

– Спасибо за презентацию, Инна, – чужим голосом сказал я только потому, что пауза затянулась.

– А бюджеты, Иван Аркадьевич? – ошарашенно уточнила Инна Бердкович. – Вы одобряете? С первого раза?

– Нет. Фидбэк¹⁵ получите позже. Объявляю перерыв на полчаса.

Я же не буду ей говорить, что у меня сейчас каша в голове, а речь идёт о деньгах. Важным ради срочного люди моего масштаба не жертвуют. Тем более, что не всё срочное оказывается важным.

Делегация под знаменем маркетинга потянулась к дверям.

И тут меня аж подбросило: делегация... Да я не помню никаких экологов! А они вообще приходили? Может, это тоже развод? Я же задним местом чувствую, что меня дурят! Кто и в чём, пока не знаю, но я тут не эмо-девочка, чтобы

¹⁵ От английского feedback – обратная реакция, ответ

сидеть и страдать! Я выясню, кто! И шкуру сдеру.

Как только след маркетинга выветрился, как дым в открытое окно, я рванул к секретарю.

– Регина, ко мне приходили в этом году на приём экологи? Какие угодно: гринписовцы, хренисовцы, даосы нефритового жезла или недоношенные дети природы?! Если да, когда это было? Или не было?! Мне нужна абсолютно точная информация.

Сосредоточенный и понимающий взгляд в ответ. Затем в CRM-менеджер. Шелест страниц в ежедневнике. Поджатые губы.

– Представители организации «Зелёный мир» записывались к вам на приём в конце августа.

– И что было потом? – хмурился я.

– Вы их не приняли. У вас не нашлось для них места в расписании.

– И они так просто ушли?

Регина снова повозилась и ткнула пальцем в нужное.

– Нет. Они настаивали на встрече, вы категорически отказались и велели отправить их к «Внешним связям», я и перенаправила их к Фелистратову.

– Его сюда, живо!

Регина уставилась на меня недоуменно:

– Но, Иван Аркадьевич, он ведь умер...

– Как умер?! Какого чёрта?! – я опешил.

– Под машину попал. В сентябре ещё.

– Удобная отмазка, – выдохнул я, а в висках затикало. – Тогда ко мне Закировну из поставок.

– У неё выходной сегодня.

– Значит, дозвонись! – рыкнул я. – И чтоб она была тут, хоть из преисподней.

– Иван Аркадьевич, а что делать с журналистами? Уже второй час одолевают.

– Шли их к Фелистратову! – буркнул я.

– На тот свет?!

– А что? Прекрасное место, я считаю. Там уже интервью будут брать у них. Этот, как его, Пётр с ключами!

* * *

Начавшись криво, весь день пошёл наперекосяк. Встречу боров из Мосгордумы отменил, сославшись на то, что «я сейчас слишком на слуху», Закировна, как выяснилось, уехала кататься на выходные на Красную поляну с семьёй. Трубку отключила, словно почуяла. Журналисты одолевали моего секретаря и продолжали заседать на охрану в холле. Долбаный Картанян в статье в РБК высказал своё мнение об ответственности застройщика и щедро разлил грязь на онлайн-страницы, вскользь и скандал в Карловых Варах упомянул, но так, что ни к слову не придерёшься. У него тоже адвокаты хорошие...

Я твёрдо решил не пороть горячку и не отвечать, пока не

выясню всё сам. Погода, по-прежнему, стояла нелётная. Все дороги вели в Сочи, но не на поезд же садиться!

В три часа я бросил дела и поехал к Дамиру. Потому что я ему так и не перезвонил, что странно – ведь друг. Реально настоящего в жизни нет или так мало, что с трудом различаешь. Но и на то, что есть, почему-то вечно не времени. А я уже чертовски устал от патоки...

Глава 22

Иван

Я сбежал вниз в полуподвал на Пятницкой. Чуть не загремел носом вперёд, поскользнувшись за две ступеньки до крашеной чёрной двери с табличкой «Закрыто». Чёртовы итальянские ботинки! Хороши для красных дорожек, полное дерьмо для прогулок по Москве в дни снежных заносов.

Я толкнул дверь. Звякнул колокольчик. Полутьма бара «Lemon&Cork» встретила меня теплом и сухостью, как чрево оголодавшего кита. Я стряхнул с головы и плеч снег, постучал подошвами, сбивая его на коврик.

Мои шаги отозвались эхом. Акустика здесь что надо. Деревянные стулья возле грубо сколоченных столов, погашенные лампы на цепях с потолка, пол в крупную, вытопанную клетку. Сейчас она казалась синей. Вагонка на стенах, кирпичные колонны, балки на потолке. Максимально просто и оттого хорошо.

Только арочные оконца, подглядывающие из-под сугробов за шагающими мимо чужими ногами в сапожках, ботинках, уггах и меховых кроссовках, претендовали на ретро в стиле трактира на Пятницкой. Но меня не обманешь. Всем известно, что здесь самые-самые, элита рока, дают акустические концерты, лабают блюз, иногда фанк, но чаще откровенный рок-н-ролл. Они поднимают крышу и ленивых со

стульев, барабанными перебивками не позволяют офисному планктону на верхних этажах засиживаться на работе. Зато директорат банка может быть уверен, что охрана на рабочем месте не спит – нет шансов.

Но в шестнадцать ноль-ноль здесь слышен только звон перетираемых бокалов. И то не сейчас. За барной стойкой, освещённой яркой лампой, никого не было. Круглые табуреты пустовали.

– Эй, – крикнул я бутылкам на стеллаже, – есть кто живой?

Похлопал для верности ладонью о стойку.

Ни ответа, ни шевеления.

– Дамир!

Тишина.

Неужели я с ним разминулся?! Он всегда тут, после обеда уж точно.

Настроение и так было ни к чёрту, а теперь досада размазала горечь сверху смачным плевком. Я разворчался, как старый дед, что надо было договариваться о встрече и не выпендриваться, надо было то, надо было сё. Аж закололось внутри раздражением и недовольством. Можно позвонить, конечно...

Но именно сейчас хотелось без скаяпа и гаджетов, запросто, в реале увидеть вечно небритую рожу Дамира, его улыбку индейца навахо, прозрачные глаза накурившегося травки шамана, видящего, что у тебя за душой. Хотелось обняться,

поржать, без причины сотрясая воздух, а потом сесть за столом друг напротив друга и спросить без всяких: «Как сам?».

Но я тут один стою и зову, как дурак.

И вдруг до щемящей боли в груди я понял, как мне этого не хватает!

Отчёты, бюджеты, советы директоров, стройки, поставки, жирные лапы серых пиджаков, приманивающих взятки, как цыплят; презентации, звонки по бизнесу в три часа ночи, ухищрения, техники переговоров, этого всего так много! Майбахи, Куршавели, пентхаузы, понты – это моя жизнь. Такая, какую я хотел, какую сам построил. Целеустремлённо, жёстко, по кирпичикам. Где-то обманом, где-то зубами выгрыз. Никто ведь особо не мечтает поделиться местом под солнцем, но я своё взял. Я был на сто процентов уверен, что это «моё», и мне было интересно!

Но я и представить себе не мог, что там будет не хватать главного – простоты.

Простота – это такая фишка, которую за деньги не купишь. Можно попытаться, но всё равно не то. Ведь наступает момент, когда нахаваешься досыта трюфелей и чёрной икры, когда начинает тошнить от пафоса и осточертевают изысканные десерты от французских поваров, поданные с фейерверком в пруду из шампанского.

Именно поэтому Алевтина Петровна жарит мне дома на ужин обычную картошку с чесноком, яичницу с ГОСТовскими сосисками и блины с яблочным повидлом. Только

Алевтина Петровна в курсе, где достать такое, как было в детстве – советское, неопределенного цвета и консистенции. Самое вкусное. И она не мучает меня неврозами и истериками на пустом месте, как мама. Они, кстати, тоже отдают чем-то ненастоящим. Поэтому я никогда Алевтину Петровну не уволю. Даже если она будет старой и начнёт забывать, где оставила зубы.

Простота – это такая фишка, при которой ты имеешь роскошь побыть собой. Кажется, что может быть проще? А ничего нет сложнее – когда на тебе столько масок и панцирей, обязательств и ответственности, чёртова тысяча людей, за которых тоже ты отвечаешь.

Какой, нафиг, «быть собой»? – скажут мне партнёры по бизнесу, чиновники, политики и те же архитекторы, которые меня ненавидят, и конкуренты. За любую слабость удавят. Я не имею права на уязвимости, только в качестве опыта, чтобы в следующую минуту ответить и ударить больнее. Наступить на того, кто пытается переехать меня.

Только я устал.

Оставил, конечно, для разрядки красивые женские тела, рок и одиночество. А ещё осознание того, что у меня есть единственный настоящий друг. Дамир. А я его уже два месяца не видел.

Я бросил пальто на спинку стула.

Кажется, я совсем расклеился. Эдак недолго и грипп подхватить. Я выдохнул, зашёл за барную стойку и сам плеснул

себе в стопку рома. И вдруг тишину надрезал гитарный аккорд. Я рванул на него.

Дамир!

Улыбка сама полезла на лицо. Ну, я реальный дурак – не догадался посмотреть на сцену! Мой друг с русыми с проседью волосами, убранными в хвостик, с парой прядей, падающих на лицо, в здоровенных наушниках, как укуренный Чебурашка, сидел на стуле и рассматривал бумажку на попнтре. Потом почесал нос и начала перебирать по струнам.

Не слышит ничего за своим «минусом», вот балда!

Я взял стул за спинку одной рукой и пронёс его, поставил на невысокую сцену и уселся напротив Дамира. Только тогда он меня заметил. Глаза расширились. Выматерился радостно и стянул наушники.

– Ванька! – прозвучало офигевшее.

– Привет, братан.

Гитара в сторону. Обнялись. Масло. Аж в душе просветлело.

– До тебя не дозвониться, олигарх! – щербинка между передними зубами его улыбку не портила.

– А ты вообще бриться перестал? – хмыкнул я, глядя на почти моржовые усы друга и русую подростшую бороду.

– Хипую, – заржал Дамир и снова взял в руки любимый «Фендер¹⁶». – Послушай.

Он выткнул наушники из мини-пульта и начал играть.

¹⁶ Марка гитары

В динамиках зазвучал аккомпанемент блюз-бэнда. Я узнал классику – «Лалу». Дамир пел тихо, со связками у него давно проблемы. Зато играл великолепно, запойно бегая пальцами по струнам и потряхивая головой в такт. Я невольно стал постукивать ботинком тоже. Дамир доиграл песню до конца, поглядывая на ноты. И, закончив, расцвёл.

– Масло!

– О да, – улыбнулся я.

– Ты не хочешь? – он протянул мне свою святая святых, заказанную из-за океана гитару.

Я покачал головой.

– Нет.

– Кислый ты, брат, – заметил Дамир. – Нелады?

– Есть немного.

– Ну, я читал немного про твоё немного. Хрень, конечно.

Поговорить хочешь?

Я пожал плечами.

– Что-то у тебя рожа синяя, Ванька. Обедал?

– Да пофиг... Забыл.

– Сейчас я Варьке скажу, чтобы креветок нам в карри сбавала. Под пиво. И фри с луковыми колечками.

Дамир встал со стула. Крепко сбитая татаро-славянская помесь: широта души и мусульманское гостеприимство, никогда не отпустит голодным. Я не стал ломаться. Желудок уже к спине прилип.

– Вообще это нонсенс, но факт, – хмыкнул Дамир по пути

в кухню, у служебного выхода обернулся и сказал: – Иванидзе, ты можешь позволить себе что угодно, а поесть вовремя забываешь. Желудок испортить не боишься?

– Нет. Люди боятся, что умрут от язвы или рака. А у меня есть для них чудесная новость – все умрут в любом случае. Ни один не выживет.

Наш смех усилило эхо, и Дамир скрылся за тёмно-красной дверью. Исчез надолго, будто поплыл сам креветок в аквариуме вылавливать и откручивать им хвосты.

Белый Фендер призывно смотрел на меня, намекая на близость. Почти, как подвыпившая девица у бара. И я не выдержал, взял его в руки, огладил изгиб, приладил на колено. Почувствовал добротный лак под пальцами, струны, рифы. Как-то само собой заигралось из забытого. Не так, как Дамир, конечно, неуклюже – пальцы отвыкли, но наружу поступали слова, возникшие из подсознания. Опять «Металлика» и их “Nothing Else Matters». Начал помогать себе стуком носка вместо метронома, увлёкся. И стало так хорошо, будто только это и нужно было. Как аспирин при больной голове.

Я перебирал струны, прикрыл веки и вдруг представились сами собой синие глаза. И неожиданное осознание – а ведь то, что я принял за исключительно качественную игру, оказалось правдой. И меня будто мешком с цементом по голове шибануло: они тоже настоящие! Её глаза. И ненависть. И жар. И поцелуй.

По спине пробежали мурашки.

Я так отвык от настоящего, что перестал распознавать. Дожились! И чтобы выбросить откуда-то исподволь подкрадывающееся смущение, я начал играть снова. И слова припева, натужившись, вспомнил, чтоб только не думать. И опять, и опять. Лучше три раза спеть один куплет и припев, чем ныть.

– А я до сих пор жалею, Ванька, – послышалось из-за спины, – что ты бросил нас и нашего «Грязного Джо» и занялся, как ты заявил, «серьёзными вещами». У меня от твоего тембра сейчас мурахи размером с американских тараканов по рукам ползут!

Я обернулся. Дамир стоял с подносом в руках над ближайшим столом.

– Тараканам место в голове, – заметил я, откладывая гитару и вставая.

– Там уже другие всё заняли, больше билетов не осталось, аншлаг, – сказал Дамир и ткнул пальцем на кнопку пульта.

Негромко запел Гэри Колеман про то, что небо плачет¹⁷.

– Но без шуток: когда тебе настохренеет быть строительным магнатом, у тебя всегда будет место.

– А нынешнего фронтмена твоего бэнда в переход пошлёшь с гитарным кофром?

– У нас фронтменша, – поправил меня Дамир, наливая пиво в высокие стаканы. – Заглянул бы хоть раз с сентября, знал бы.

¹⁷ Gary B.B. Coleman “Sky Is Crying”

– Угу... – Мне даже шутить по этому поводу не хотелось.

Дамир устроился напротив, подвинул ко мне тарелку с хрустящими красно-рыжими креветками.

– Что там про Самшитовую рощу? Правду пишут или опять брешут, сволочи?

Он облокотился на стол и смотрел на меня прямо. С креветкой в руке, зависшей над соусом, как рука судьи с молотком перед принятием резолюции. Кому угодно другому я бы сказал иначе, но в шаманские глаза друга врать не получилось.

– Я сам об этом узнал из новостей, – я опустил голову, креветка пучеглазилась на меня тоже, словно хотела подчеркнуть, что всем нам быть поджаренными – в соусе, на шпажках или попросту в кастрюле с укропом, так что чего уж выкручиваться. – Думаю, мой косяк.

– Хреново.

– Угу. Не то, чтобы я специально ввозил паразитов. Но компания моя, сотрудники мои, и вся херь на мне.

– Роща – та самая, где мы с ребятами на втором курсе...?

– На третьем.

– Жаль, хотел туда летом дочек свозить.

– Хочешь, врежь мне, – поджал губы я.

Дамир усмехнулся.

– Лучше креветок ешь. Остынут, будет не то.

Я уныло повозил продуктом моря в желтоватом соусе. Из кухни выскочила жена Дамира, Варька, полноватая после по-

следних родов, с соломенного цвета косой, как с иллюстрации русских народных сказок.

– Ванюш, привет! – радостно воскликнула она, подавая нам гигантские порции фри и луковых колец в кляре. – Пришёл, наконец! А мы тебя уже потеряли! Кристи и Лиза спрашивали, где дядя Ваня! Ты хоть нашу ёлку не пропусти!

– Спасибо, Варь. Постараюсь, – ответил я, всё больше чувствуя себя гадом. – Ты мне скинешь в мессенджере, о чём они там мечтают? Я понятия не имею, что нравится маленьким девочкам.

– Купи вертолёт на радиоуправлении, – подмигнул мне Дамир.

– Только не вертолёт! – Варька шутя стукнула его по плечу, улыбнулась и оставила нас, «мальчиков, дальше секретничать».

Я посмотрел вслед и вдруг понял, что сравниваю её с блогершей. Улыбка сошла с моего лица. К вечеру это больше забавным не казалось.

– Я поеду в Сочи разбираться, – вернулся я к теме, – посмотрю, что можно сделать. Самое досадное: хотел реально, как лучше, но сейчас сам слышу, что это звучит гнилой отмазкой.

Я поморщился.

– Поезжай. Мужик должен отвечать за то, что делает. Только знаешь, что скажу? Твоя проблема в том, Ванька, – сказал Дамир, не стесняясь вымазывая пальцы в соусе, – что

ты стал слишком серьёзным и забыл про то, что жизнь – штука своеобразная. Если ты перестанешь шутить с ней, она начнёт шутить с тобой.

– Не понял, что ты имеешь в виду?

– Я о лёгкости. Знаешь там всякие эти слова про радость момента и прочее, как даосы говорят. Не в обиду, но видел тебя в записи на ТВ, и ты там натуральный напыщенный индюк. Честно, так серьёзно себя нести – отстой. Вселенная пустит тебя на смех, как стендаппер в Камеди Клуб. И опустит. Больно. Ведь юмор у неё местами чёрный. Вон та закоренелая циничная блогерша, которая на тебя наезжала, и та выглядела лучше. Честнее.

– Да она не такая, – нахмурился я, мне почему-то стало неприятно. – Телевизионщики нарезали все слова и переставили, как хотели. Мои юристы уже выкатили им претензию.

– Реально?

– Чтоб мне один шансон слушать, – усмехнулся я.

– Козлы.

Я потёр подбородок.

– А ты прав, братан, насчёт «на смех». Я с первой подачи не понял, теперь понеслось снежным комом. – Я вспомнил о фотографии в ночном клубе. – Думаю, это далеко не всё.

– Даже так? – скорчил умную рожу Дамир. – А это не заказ? Ты же на горячее место начал претендовать. Думаю, в законодательное собрание Москвы желающих больше, чем девочек на кастинг клипа у Димы Билана.

Я так опешил, что даже моргнул. Он мои мысли прочитал? Что ж, фотография вполне может быть заказом. Однако следующее, что сказал Дамир, поразило меня ещё сильнее. Своей очевидностью.

– Мне ж не всё равно. Я полез в петицию этой блогерши, и оказалось, что написала она её ещё в октябре. Да, народ там подписывался довольно активно, насмотревшись в конце сезона на гадость в присочинском лесу, но СМИ никак не реагировали. В соцсетях пронеслось и всё, считай заглохло!

У меня пересохло во рту, и я хлебнул пива.

– А тут ты делаешь «каминг аут» со своей кандидатурой на выборы, и тут же бабах! И как удобно – шумиха, сыр-бор, сначала вроде как тебя на телевидении показали, как серозадого зануду, типичного политика. Но уже на следующий день куда не ткни, попадёшь: Иван Красницкий – последний ублюдок, уничтожил лес. И даже если это твой косяк: не доглядел, не проконтролировал, лоханулся, в СМИ это выглядит, будто ты лично сажал эту етитскую бабочку на каждый куст и приказывал: «Жри, жри лес, а то раздавлю!» – Дамир макнул креветку в соус и съел. – Говорю тебе: это заказ.

– Исключать нельзя. – Я промокнул салфеткой пивную пену с губ.

– Я на твоём месте разобрался бы, конечно, на месте с рощей. А потом поговорил бы по-человечески с этой блогершей. Мне старшая, Крис, сказала, у них в школе обсуждали, что все блогеры живут на заказы рекламы и так далее.

Я поморщился. Если б не то фото, воняющее подставой в ночном клубе, и если б она не поцеловала меня первой, я бы начал сейчас возражать.

– Даже если блогерша не куплена, а реально борется за природу, за что ей плюс в карму, она по-любому может случайно вывести на заказчиков. Потому что манипулировать революционерами можно и без денег, – заявил Дамир. – Соответственно, сам заказчик или его посредник в числе её контактов точно есть.

– Чёрт! – я подскочил. – А ведь ты прав!

– Но я могу и ошибаться, – усато улыбнулся Дамир. – Это просто может быть чёрный юмор Большой Вселенной. Дошутилась же она однажды до Большого взрыва.

– Ждать, пока мне голову начисто снесёт, я не намерен. Ты поэтому звонил?

– Ну, с утра мне хотелось узнать, реально ли ты окозлел настолько, что об этом написали в газетах. А потом я подумал и пришёл к этим выводам. Но, знаешь, способность думать есть далеко не у всех.

Я усмехнулся и откусил голову креветке. Ко мне вернулся аппетит и настроение хищника. Я мотнул головой на редееющее число креветок на блюде и добавил:

– И тех, кто не умеет думать, обычно зажаривают в кляре. Кстати, вкусно!

Глава 23

Рита

Вы любите Казанский вокзал? Я испытываю к нему крайне противоположные чувства. Когда возвращаюсь с юга, я радуюсь ему, как первой бухте, как табличке с надписью «Москва, 0 км» после долгой и утомительной трассы. Я дома! Ура! Да здравствует купол над путями и станция метро Комсомольская!

Но я испытываю ужас, когда являюсь сюда после уютного дома, современного торгового центра, симпатичного кафе, в общем, из любого мало-мальски приличного места. И ни с чем не сравнится моё попадание на Казанский вокзал в день прилёта из Франции прошлым летом.

Сначала думаешь: что там та Франция, у нас даже круче; восторгаешься родными ёлками и берёзами вдоль шоссе, просторами и масштабами, а потом бац, и Казанский вокзал! Или мне так повезло, или в тот день там было вопиющее скопление немых тел, мятых лиц, клетчатых кошёлоч, многодетных таборов, скучающих гопников, типов с печатью криминала в ауре и плевков на тротуаре. И я поняла: нет, это всё-таки не Франция... Хоть да, там тоже никто не улыбается. Дело совсем не в купеческой архитектуре, соснах и широте проспектов, а в повсеместном напряжении и в выражении лиц: готовых напасть и готовых защищаться. Многие

одновременно.

С тех пор необходимость отправляться с Казанского вокзала даже в Богом любимое Сочи заставляет меня кривиться, делать вид, что я здесь на минуточку. Я приезжаю в последний момент и рывком к поезду. Потому что мне кажется, будто я тоже начинаю заражаться всеобщим напряжением и несвежим запахом. На этот раз проскользнуть по вокзалу быстро не удалось.

– Рита! – выкрикнул долговязый тип с рюкзаком под табло с расписанием. – Эй, Рита!

Я узнала в нём рыжего гения монтажных телештучек. Не в свитере под горло и без оранжевых лохм, торчащих в разные стороны, он выглядел вполне симпатично. Но я мысленно выругалась, сразу понимая, как Яндекс меня вычислил. Штирлиц провалил всё, что мог.

Тип махнул мне рукой, чтоб уж наверняка, и направился ко мне.

– Привет! – просиял Яша-Яндекс.

– Привет и пока, – бросила я, с самым деловым видом катя чемодан за собой.

– Да погоди, Рита! – он пошёл за мной.

– Я уезжаю, поезд уже на пути. – Я смерила его взглядом. – И вообще не вижу смысла останавливаться.

Не отстал.

– Слушай, ну я же говорил, что никакого отношения к монтажу той передачи не имею. У меня вообще другие тех-

нические задачи: я подчищаю зрительный зал и общую картинку.

– Ага, очень верю, особенно учитывая то, что ты мне показал перед выходом в эфир.

– Да я просто хотел выпендриться! Перед тобой.

– Удалось, – фыркнула я. – Свободен.

– Нет, ты не поняла...

Я резко остановилась, Яндекс по инерции пробежал вперёд на несколько шагов и резко обернулся. Я включила режим стервы и проговорила самым мерзким из возможных оттенков голоса:

– Я поняла всё. И мне достаточно. Телевидение – это клоака, помойка, прачечная наоборот, где не отмоешься, а только запачкаешься. И так как у меня нет привычки общаться с представителями помойки, с тобой я тоже общаться не намерена. Ни в каком виде. Считай меня теле-шовинисткой.

Лицо Яндекса вытянулось. Обиделся.

Чудесно! Главное, чтобы отстал. Мне ещё соглядатая от федерального канала не хватало!

Я зашагала, взяв немного влево, обогнула Яндекса и напрямиком ко второму пути, над которым уже высился новенький двухэтажный поезд. Снег задувал в глаза, мешая изображать неприступную гордость. Ну и ладно, даже французские аристократы не могли сохранить лицо в наших морозах. От величия Наполеона остался только торт...

Я показала свой паспорт проводнице в аккуратной форме,

придерживающей одной рукой шапочку, чтобы не улетела. Ввалилась в четвёртый вагон, довольная, что избавилась от назойливого телевизионщика.

Не успела я повесить пальто на вешалку в своём купе на втором этаже, как в дверной проём заглянула наглая рыжая морда.

– А Чебурашка? – невинно спросил он.

– Какой Чебурашка? – опешила я.

– Из советского мультя. И крокодил Гена. А ещё милые дети из «Голоса»? И те, кто снимает «В мире животных»? А фигуристы, документальщики, балерины с канала «Культура» – это тоже представители помойки?

Я развернулась к нему и сложила на груди руки.

– Чего ты ко мне привязался?

– Понравилась.

Господи, я теперь точно знаю, с кого рисовали Чеширского кота!

Я постучала пальцем по круглым часам на запястье и указала им на перрон.

– Сказал? Молодец. Теперь тебе пора, поезд сейчас отправляется. Осталось две минуты.

Вместо того, чтобы бежать к выходу, этот наглец, рыжий не только цветом волос, но и душой, нырнул в купе и уселся напротив меня.

– Прекрасно.

– Тебя высадят на ближайшей остановке и выпишут

штраф.

Он стянул дурацкую шапку и почесал за ухом – натуральный кот.

– Неа. Я тоже еду на Юг.

– Каким это образом? – я растерялась. – Как ты мог купить билет заранее? Или тебе кто-то доложил, что я... Кто тебя нанял?!

– Слушай, ну ты что, из прошлого века? – хмыкнул Яндекс. – Ты села в вагон, я сразу онлайн купил билет туда же. Показал паспорт и зашёл. У меня выходные – аж три дня. Я приглашал тебя на субботу, а я слово держу.

– А как ты купе угадал? – нахмурилась я.

– Да никак. Я на первом этаже, ты на втором. Но всё равно вагон полупустой.

– Ты забыл один важный факт.

– Какой? – лукаво сощурился Яндекс.

– Я твоего приглашения не принимала! – Я встала и указала на дверь. – Поэтому прошу на выход.

– Не, ну Рит, ты чего?

– Вон!

В моём голосе было столько стали, что он всё-таки поднялся и отшагнул в коридор.

– И что мне прикажешь делать в поезде одному?

– Столбы в окне считать! – рывкнула я и, взглядом заставив его попятиться, показательно закрыла перед его носом дверь. И закрыла на защёлку.

Не успела включить плейлист в телефоне, как в дверь постучали.

– Вон! Out! Fuck off! Отвали! – выпалила я.

И услышала в ответ возмущённое грудным женским голосом:

– Что вы себе позволяете, девушка?! Откройте, это моё купе! У меня билет.

Упс...

* * *

– Ой, извините, – пробормотала я, краснея.

В открытую дверь вплыла важная дама предпенсионного возраста, её чемоданы самым чинным образом внёс Яндекс. С выражением оскорблённого в самых лучших чувствах профессора из благородной семьи, которого обвинили в украденной кастрюле борща, он поставил багаж дамы в мехах. Кивнул ей по-гусарски и демонстративно вышел.

Рожа протокольная!

Дама с поджатыми губами стянула кожаные перчатки, смерила меня взглядом, как мошку. Коснувшись пальцем верхней пуговицы, больше похожей на брошь с перламутром, она заявила тоном генеральши:

– К вашему сведению: я еду отдыхать! Так что все ваши дразги, разбирательства и экспрессию оставьте при себе. Мне нужен покой.

– К вашему сведению, – с дерзкой улыбочкой ответила я. – Я еду работать. В ночном караоке-клубе. Стриптиз-бачкой. Так что вам не повезло.

Дама пыхнула, повела плечами и продолжила бороться с перламутровой пуговицей. А я, понаблюдав за этим, не выдержала и добавила:

– В нашем стриптиз-шоу вам бы за это точно не дали чаевых. – И доверительно прошептала: – Меняйте пуговицы на кнопки.

Она прирезала меня взглядом и, к собственному счастью, больше ничего не сказала. Я воткнула в уши наушники и влезла с ногами на полку. Дама уставилась на мои разные шерстяные носки – один красный в белую клубничку, второй зелёный – в красную. Да-да, именно такие и носят в стриптиз-клубе, чтобы с эпатажем снимать последними. Снеговиков заводит...

Дама пыхтела даже сквозь песенку Алиды. Я выкрутила звук на максимум.

Мда, а так всё хорошо начиналось!

Глава 24

Рита

Интересно, у всех видео-операторов в программу обучения включён «курс оленей»? Или мне так везёт?

С оленями очень весело дружить, но упаси, Боже, иметь такого на собственной кухне и в чём-то более серьёзном, чем пижамная вечеринка. С Никитой я это усвоила ещё в восемнадцать, зато до сих пор друг другу рады. Мои девчонки удивляются, как можно дружить с бывшими? Может, с нормальными бывшими и нельзя, а вот с оленями очень даже.

Яндекс – очевидный олень. Приятно, конечно, что он счёл меня такой неотразимой, чтобы с маху купить билет и запрыгнуть следом в поезд, но я ведь не просила. Некоторые «нет» не понимают, категорическое так тем более. Надеюсь, Яндекс хоть теперь понял и успел выскочить из поезда.

Дама напротив нависала над столиком грудями дынного размера, обтянутыми ярко-малиновым трикотажем, так, словно хотела в меня ими выстрелить. Наверное, потому и не читалось. В наушниках об иронии пела Аланис Мориссетт. Как чувствовала! Ясик говорит, что у меня музыкальные вкусы, как у старой бабушки, но мне нравится, а разве остальное имеет значение?

Мимо окна проносились сосны – почти оранжевые стволы на белом фоне с серо-зелёными шапками хвои, густо покры-

той снегом. При виде дремучих чащ мне всегда представляются истории про заблудившихся девочек, волков, леших, дедов Морозов и заснувших в сугробах подснежниках. Мне представляется, как оно было бы там – одной, в мороз, в лесу. Или думается, как раньше люди ехали на санях, закутанные в три тулупа, под одинокий звон колокольчика, отвечающего порывам метели. И вдруг представились глаза Красницкого, колючие, как ледяной ветер, серые, как это небо. Я обхватила себя руками. Бррр...

Нет, хватит думать о всякой ерунде! Я еду в поезде, которому выюга не страшна. Сама себе главред, оператор и спецкорр. И сейчас мне очень не мешает стакан горячего чаю и чего-нибудь не полезного типа шоколадного батончика. В дороге можно. Пойду попытаю счастья у проводника.

Я переоделась в спортивный костюм, достала из сумки тапочки и вышла из купе. У последнего окна прямо перед ступеньками завис, опираясь на поручень, Яндекс. Ну что ты будешь с ним делать?!

Он обернулся на шум закрываемой двери и сообщил:

- Двести сорок семь.
- Чего? – не поняла я.
- Столбов.

Я громко выдохнула и развела руками. Подошла и встала рядом.

- И ты правда считал?
- Не с самого начала. – Он снова уткнулся взглядом в ок-

но. – Первым делом я забросил рюкзак в купе с сумасшедшей мамашей и такими же детьми.

Я тоже опёрлась о поручень и посмотрела на проплывающие под стук колёс снежные пейзажи.

– Послушай, а вдруг у меня есть парень? И я к нему еду?

Яндекс пожал плечами.

– Никогда не знаешь, что лучше. Или кто! – Он взглянул на меня многозначительно и опять перевёл взгляд на столбы. – Двести пятьдесят пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.